

Колосёр

5
МАЙ
1960





ИЗ ШКОЛЫ НА ПРОИЗВОДСТВО

С картины художника Н. Баскакова

Костёр

5

МАЙ

1960

Ежемесячный детский журнал

ЦК ВЛКСМ

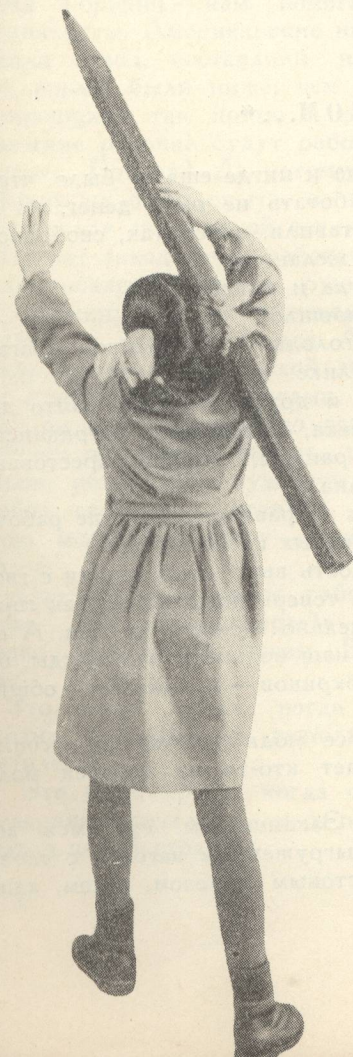
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

Мы пришли в "Костёр"

Фотограф Кадрик

Поэт Нескладушкин

Художник Кисточка





РАССКАЗ О САМОМ ВЕЛИКОМ СОРЕВНОВАНИИ

Б. Никольский

„Я УДИВЛЕН ВАШИМ ПОСТУПКОМ...“

На улицах американского города Питтсбурга гремят выстрелы. Американские войска сражаются против американских рабочих. По приказу стальных королей солдаты стреляют в бастующих. На улицах Питтсбурга — кровь.

Это происходит в 1919 году в Соединенных Штатах Америки, в самой богатой стране мира.

А за тысячи километров от Питтсбурга — в Москве, в холодном депо, усталые, плохо одетые люди ремонтируют паровоз. Уже давно прогудел гудок, давно окончилась смена, но рабочие не уходят. Они работают дружно и упорно. Они еще не знают, что пройдут года и этот паровоз станет историческим, и даже его фотографии будут храниться в архивах, как самая большая историческая ценность. Они работают и не знают, что скоро сам Владимир Ильич Ленин напишет о них и назовет их работу «великим почином», что во всех учебниках истории будет записан этот день — день первого Коммунистического субботника...

Тысячи лет прожило человечество на земле. Наверно, тысяча тысяч разных событий — больших и маленьких — совершилось за это

время. Но никогда и нигде еще не было, чтобы люди пришли работать не ради денег, не потому, что их заставили, а вот так, свободно — по собственному желанию.

Не было никогда и нигде.

И вот это произошло.

Произошло в голодной, разоренной врагами Советской республике.

«В Питтсбурге и других городах убито двадцать два человека, — сообщали американские газеты, — сотни ранены, тысячи арестованы. Забастовка сорвана».

А на страницах «Правды» советские рабочие рассказывали о первых субботниках:

«Ну что за радость выгружать ящики с гвоздями? Ерунда. А теперь посмотрите, как горят глаза, как неподдельно весело всем нам. А все потому, что труд наш вольный, без нужды, без понукания, без окриков — и главное — общий, дружный».

— Так будут все люди работать при социализме! — восклицает кто-то из рабочей молодежи.

Десять часов. Заканчиваем, сходимся все, рассказываем о выгруженных вагонах с котлами, станками, листовым железом, сеном, капу-

Окончание. См. «Костер» №№ 3—4, 1960 г.

стой, как будто мы занимались не обычной черной работой грузчиков, а делали что-то большое, творческое. Согреваемся чаем с куском хлеба. Выстраиваемся и веселые, стройно, идем обратно с громкой песней».

По всей стране проходили субботники.

Люди работали под звуки оркестров. Выгружали дрова. Ремонтировали вагоны. Сажали деревья.

Американские газеты не писали об этом.

Как? В Америке рабочие бастуют, отказываются вставать к станкам. А тут полуголодные люди выходят работать бесплатно. Почему? Ради чего? Нет, этого никак не могли понять господа из Нью-Йорка и Вашингтона.

* * *

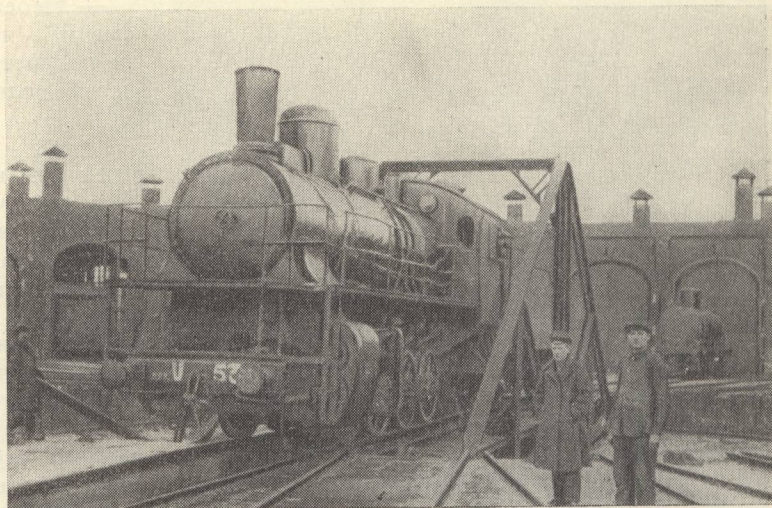
Строить огромный автомобильный завод в Нижнем Новгороде — так раньше назывался город Горький — нам помогали иностранные специалисты. Американские инженеры проектировали завод, составляли нормы выработки. Эти нормы были ниже, чем в Америке. Проектировщики так прямо и рассчитывали, что советские рабочие будут работать хуже американских. Почему? Да потому, что у советских рабочих не было опыта, не было еще умения обращаться со сложной техникой...

Но вот завод начал работать — и американские расчеты рухнули. И опрокинул их не инженер, не ученый, а простой кузнец Александр Бусыгин. Из глухой деревни, с котомкой за плечами, приехал он на строительство завода. Работал плотником, работал смазчиком, потом стал кузнецом. Он любил свое дело, отлично знал свою могучую машину — паровой молот.

«Почему мы должны работать хуже, чем американцы?» — нередко думал по ночам Бусыгин.

Это было время, когда вся страна боролась за выполнение пятилетки.

Это было время, когда слово «ударник» считалось самым почетным в нашей стране.



Паровоз, отремонтированный во время первого коммунистического субботника в 1919 году.

Это было время, когда рушились старые нормы и рождались новые рекорды.

И кузнец Бусыгин тоже установил свой рекорд. Сначала 966, потом 1001, потом 1767 деталей отковал он со своей бригадой за смену. Самые лучшие американские кузнецы ковали в полтора раза меньше.

Всей стране стало известно имя Бусыгина. И даже за границей. Однажды, когда прославленный кузнец отдыхал на берегу Черного моря, к нему в гости приехал солидный, уверенный в себе американец — представитель самого Форда, автомобильного короля.

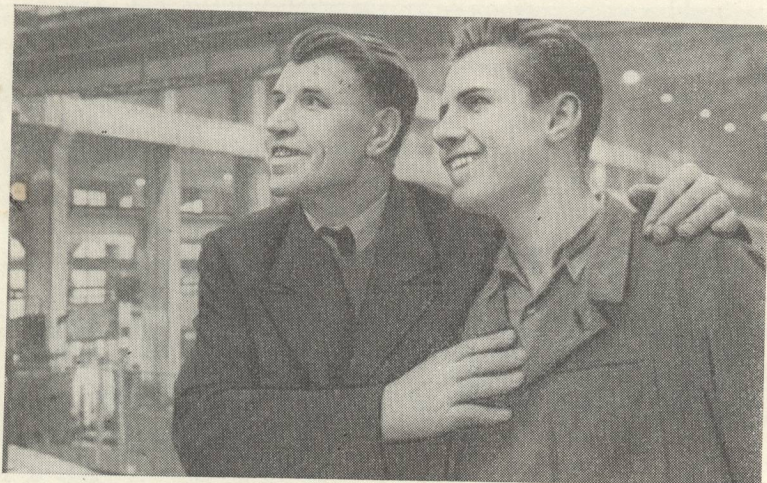


1920 год. Первомайский субботник в Кремле.



Бригадир первой в Ленинграде бригады коммунистического труда токарь Михаил Ромашов.

— Я имею к вам, мистер Бусыгин, поручение от мистера Форда. Он приглашает вас работать на его заводе в Детройте. Мы вас забросаем золотом.



В нашей стране каждый выбирает работу по душе. Юрий Семернин после десятилетки решил поступить на завод, где уже много лет трудится его отец.

— Передайте мистеру Форду, — ответил Бусыгин, — что советский рабочий себя за золото не продает. Я работаю для своего народа и для своей Родины.

* * *

Совсем недавно в Советский Союз из Румынии пришло необычное письмо. Необычное, потому что на конверте не было адреса, а стояло только два слова: «СССР, Гагановой».

Случись это года полтора назад, почтовые работники долго бы ломали голову, куда отправить письмо — наверняка в Советском Союзе не один человек носит такую фамилию. Но это — полтора года назад. А теперь на почте ни у кого не было сомнений — конечно же, это письмо адресовано Валентине Гагановой, ткачихе из Вышнего Волочка, Герою Социалистического Труда.

Немногом больше года назад Валентина Гаганова совершила поступок, который сначала многим показался удивительным. Из передовой бригады, бригады, известной всему комбинату, она перешла в отстающую. А на самом деле в этом поступке не было ничего удивительного. Просто Валентине хотелось, чтобы не было на комбинате плохих бригад, чтобы все работали дружно, чтобы отстающие ткачихи поверили, что они могут быть не хуже других. Нелегко пришлось Валентине в первые дни, в первые недели. Но своего она все-таки добилась: отстающая бригада стала передовой.

Теперь у Гагановой тысячи последователей.

Разве могло что-нибудь подобное произойти в капиталистическом обществе, где каждый заботится только о себе?

Однажды на Московском заводе железобетонных изделий английского специалиста познакомили с молодым советским бетонщиком Петром Кузиным, рассказали, что Кузин придумал очень ценное усовершенствование, которым теперь пользуются все рабочие.

— Я удивлен вашим поступком, — неожиданно сказал иностранец. — Ведь то, что вы придумали, — ваш производственный секрет. Мне непонятно, как вы могли открыть другим свою тайну, от которой зависит ваше личное благополучие.

Вот теперь уже наступила очередь удивляться Кузину...

Видно, совсем по-разному представляли себе «личное благополучие» эти два человека — советский рабочий и английский специалист...



ПОЧЕМУ МИСТЕР МИТЧЕЛЛ ЕЛ ШЛЯПУ

Американские газеты любят писать о том, как много в Америке телевизоров. Как много холодильников. Как много пылесосов и автомобилей. И вообще о том, какая богатая и счастливая страна Америка...

Американские газеты не любят писать о том, что вместе с телевизорами и пылесосами в домах американцев живет страх. Страх перед завтрашним днем.

Вот что рассказывает один американский рабочий:

«Последние восемь месяцев я все время имел работу. Но, клянусь богом, за это время не было минуты, когда бы мое сердце не вздрагивало, как только я увижу приближающегося ко мне хозяина. Каждый раз мне казалось, что он явился, чтобы сказать мне об увольнении. И стоило мне прийти домой на десять минут раньше обычного, как моя жена, увидев



1931 год. Нью-Йорк. Священник раздает милостыню безработным.

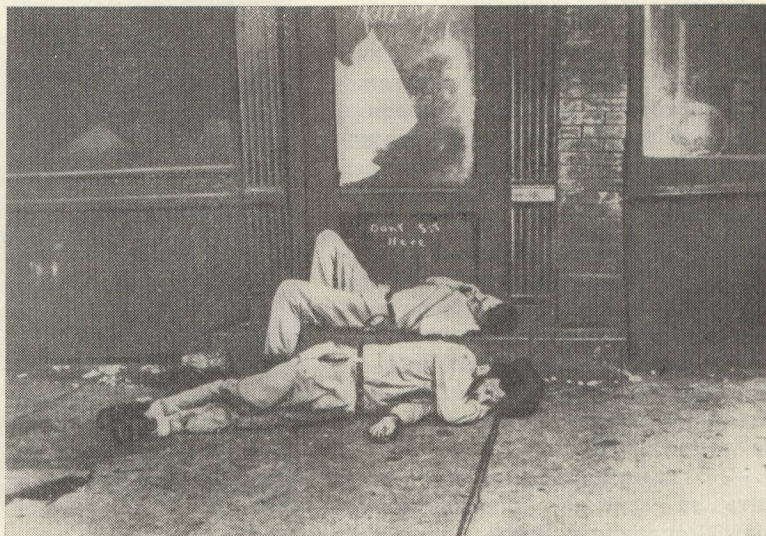
в окно, что я иду по улице, бросалась к воротам, крича душе-раздирающим голосом:

— Это случилось? Том, ответь мне скорее, это случилось?..»

Да, этому человеку было чего бояться. Миллионы людей в Соединенных Штатах не имеют работы. Сотни тысяч не имеют даже надежды получить работу.

Длинные очереди выстраиваются за пособием по безработице. Длинные очереди выстраиваются перед столовыми благотворительных обществ.

У этих людей крепкие сильные руки, эти люди хотят работать, а им протягивают милостыню...



1959 год. Безработные на улице Чикаго.

В прошлом году американский министр труда Митчелл поклялся, что если к октябрю число безработных не станет меньше трех миллионов, он, мистер Митчелл, публично съест свою шляпу. Оптимистические надежды министра не оправдались. Наступил октябрь, а безработных в стране по-прежнему было больше трех миллионов.

И мистер Митчелл вооружился ножом — он решил сдержать свое слово. Нет, конечно, он не стал резать на куски и есть собственную шляпу. Мистеру Митчеллу приготовили специальный торт — в виде шляпы. И вот министр стоял перед зданием министерства и не спеша ел этот торт. Он ел торт, а безработные по-прежнему шагали к благотворительным столовым за своей порцией супа...

В Соединенных Штатах «в настоящее время

имеются мужчины, женщины и дети, которые медленно умирают с голода».

Эти слова принадлежат американскому сенатору Полю Дугласу.

«Мы молим бога, — сказал сенатор, — чтобы страна пробудилась и увидела нужды столь многих миллионов людей».

Но, видно, напрасно надеяться на бога, когда страной правят капиталисты.

Мы в Советском Союзе не молились богу, мы не просили бога помочь, но в нашей стране давно уже забыто это слово — «безработица».

У каждого нашего завода, у каждой фабрики висят объявления: «Требуется рабочие. Требуется инженеры».

Требуется...

Требуется... Требуется...

Иди — выбирай себе работу по вкусу.

БОЛЕЗНИ И ДОЛЛАРЫ

Представьте себе, вы приходите в больницу, а у дверей висит целый прейскурант — совсем как в магазине.

Удаление аппендикса — столько-то долларов.

Лечение гриппа — столько-то долларов.

Лечение перелома ноги — столько-то долларов.

Смешно! Даже не верится, что так может быть. А оказывается — может. Вот, например, в Соединенных Штатах. Вызвал врача — плати, пришел к врачу на прием — плати, полегал в больнице — плати.

...Недавно в Ленинградском порту при разгрузке парохода произошел несчастный случай с одним иностранным матросом. В тяжелом состоянии матроса доставили в больницу. Днем и ночью ухаживали за ним медицинские сестры, лучшие врачи делали ему операцию.

Больной выжил, начал выздоравливать. И вдруг врачи заметили, что с каждым днем он становится мрачнее и мрачнее. В чем дело? Матрос долго отмалчивался, не отвечал на расспросы. Но однажды все-таки признался, что не дает ему покоя.

— У меня не хватит денег уплатить за лечение, — сказал он, — ведь операция была сложной, она, наверняка, стоит очень дорого.

Врачи рассмеялись. Они долго объясняли матросу, что беспокоится он напрасно, что в Советском Союзе всех лечат бесплатно. Матрос смотрел на них недоверчиво — он никак не мог поверить, что это правда, что его не обманывают...

Вот так же удивлялись и американцы — посетители советской выставки в Нью-Йорке, когда узнавали, что в нашей стране ничего не нужно платить ни за простой совет врача, ни за самую сложную операцию.



Больному необходима срочная помощь — и в далекий сибирский город прибыл санитарный самолет.



1957 год Литл-Рок. Хулиганы-расисты не пропускают негров в школу.

МОСКВА, УНИВЕРСИТЕТ...

Было время, когда Соединенные Штаты Америки называли страной инженеров. Было, да прошло. Теперь в нашей стране институты вы-



Подруги из бригады коммунистического труда поздравляют своего бригадира Нелли Симачеву, закройщицу фабрики «Скороход», с поступлением в университет.

пускают инженеров почти в три раза больше, чем в Америке. А будут выпускать еще больше. Потому что в нашей стране все учатся — и рабочие, и колхозники, — кто в школе, кто в техникуме, кто в вечернем институте...

А в Соединенных Штатах? В Соединенных Штатах, чтобы поступить в институт, одних способностей и желания мало. Нужны еще деньги. Деньги, чтобы платить за обучение. Чтобы пользоваться библиотекой. Чтобы работать в лаборатории. Чтобы получить общежитие.

Специальная комиссия конгресса однажды подсчитала, сколько молодых американцев хотят поступить в колледжи — высшие учебные заведения, — но не могут сделать этого из-за бедности. 125 000 человек насчитала комиссия. Насчитала — и дело на этом кончилось...

А кто знает, может быть, именно среди этих 125 тысяч — будущие изобретатели межпланетных кораблей, будущие создатели замечательных лекарств, будущие авторы удивительных проектов... Но у этих людей нет денег — и поэтому скорее всего они никогда не станут ни учеными, ни инженерами...

Еще труднее в американский институт попасть негру. Да что говорить об институтах, когда учиться в одной школе с белыми и то удастся не каждому...

Но пусть об этом лучше расскажут документы.

«3 декабря 1956 года белый священник Поль Тэрнер сопровождал группу негритянских детей в школу. На обратном пути он подвергся зверскому избиению со стороны белых».

«14 февраля 1957 года взрывом динамита, подложенного белым, был разрушен дом, где живет негритянский школьник».

«В Менсфилде попытки ввести совместное обучение были встречены актами насилия. Родителям пришлось отправить своих детей в негритянскую школу за 11 миль от города».

«В Литл-Роке в дом негритянской школьницы в феврале 1960 года брошена бомба».

Этот список мог бы быть очень длинным — таких документов много.

Вы думаете, хулиганы, которые не пускали негров в школу, которые подкладывали динамит, были арестованы, посажены в тюрьму? Ничего подобного. Если их и отдавали под суд, то тут же оправдывали.

Нет, не просто получить образование в Америке, если у тебя темная кожа, если ты беден...

И не случайно не в Америку, как бывало, а в Советский Союз едут теперь учиться люди из самых разных стран. Негры из Африки, жители далекой Индонезии, арабы, индусы...

Это для них откроются в этом году в Москве двери нового университета — Университета дружбы народов.

Здесь у лучших советских профессоров будут учиться завтрашние врачи, агрономы, инженеры. Через несколько лет они вернутся на свою родину, чтобы лечить людей, чтобы разводить сады, чтобы строить электростанции.

Лишь совсем недавно сообщили газеты о создании Университета дружбы народов, а уже приходят одно за другим в Москву письма с заграничными марками.

«Я очень хотел бы поехать учиться в Университет дружбы народов в Советском Союзе, где развитие науки достигло необычайно высокого уровня».

Так пишет молодой суданец Абубакр Ахмед Таха. Так пишут, так думают тысячи юношей и девушек из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

СОРЕВНОВАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Мы первыми запустили космические ракеты и первыми построили атомную электростанцию. Самые совершенные самолеты поднимаются с наших аэродромов и самые мощные электростанции работают на наших реках.

Новые и новые победы одерживаем мы в мирном соревновании.

Мы уже вышли на первое место по добыче угля. И по производству масла и молока мы тоже уже обогнали Америку.

Но соревнование еще не закончилось. Соревнование продолжается.

Теперь мы точно можем сказать, когда наша страна оставит позади Соединенные Штаты. Ведь мы строим по плану и точно знаем, сколько машин, сколько стали, сколько нефти будет в нашей стране через год, через два, через семь лет. Об этом точно сказано в нашем семилетнем плане.

Мы с уверенностью говорим: пройдет 10—12 лет и Советский Союз будет получать электроэнергию больше, чем Соединенные Штаты, выплавлять стали больше, чем Соединенные Штаты, добывать нефти больше, чем Соединенные Штаты. Только и на этом мы не остановимся, а пойдем дальше — к своей цели, к коммунизму.

Вот послушайте, какое признание сделал несколько лет назад один американский ученый:

«Мы располагаем средствами, — сказал он, — для того чтобы устранить голод и болезни. Мы имеем в перспективе энергию в почти неограниченных размерах, которая может сделать опустошенные земли цветущими.

Мы имеем возможность уничтожить болезни...

Не хватает только одного — желания осуществить это».

Задумайтесь над этими словами. «Не хватает желания...»

Пусть люди умирают от голода и страдают от болезней, — у капиталистов есть лишь одно желание — желание получать больше прибылей.

Совсем другое в нашей стране. В нашей стране выполняется только одно желание — желание народа. Для того мы и строим новые заводы и новые фабрики, для того изобретаем новые машины, для того осваиваем новые земли, чтобы люди в нашей стране жили еще лучше, еще счастливее. Да и не только в нашей стране, а и во всем мире.



ПОРТРЕТ ПЛАВИЛЬЩИКА Ф. БЕЗУГЛОВА

С картины художника И. Серебряного



Юле находит друзей

Вернер Гайдучек

Рисунки Т. Ксенофонтова

Сентябрьским днем 1944 года одиннадцатилетний мальчик выехал со своей матерью из Берлина в Герцберг, маленький городок на реке Шварце Эльстер. На станции в Герцберге их ожидал человек. Он был высок и худощав. Никто бы не сказал, что ему шестьдесят четыре года, увидев, как он быстрыми шагами подошел к женщине с ребенком.

— Вот и вы!

— Да, это мы, отец, — ответила женщина.

— А это Юле?

— Да, это Юле.

Мальчик тесно прижался к матери.

— Так что же, паренек, значит, ты не хочешь дать руку своему дедушке?

Поколебавшись, Юле сделал то, чего от него требовали... При этом он споткнулся о картонку, которую раньше поставил на землю.

— Это все? — Дедушка указал на картонку и на покрытый заплатами рюкзак.

— Да, это все, — сказала женщина.

Юле пристально разглядывал человека, который назывался его дедушкой.

— Не пяль так сильно глаза! — Старик, довольный, что нашел повод заговорить, тотчас добавил: — Что ж мы стоим? Поехали домой!

Он повел дочь и внука к коляске. Коляска была с гербом. На гербе стояло имя — Палличони.

— Вас встречают, как важных господ! — сказал дед. Он помог дочери войти в коляску. Потом высоко поднял Юле и посадил его рядом с собой. — Когда выедем на проезжую дорогу, паренек, сможешь взять вожжи. И не делай такое лицо, как будто у тебя полон живот камней. — Старик засмеялся.

Около чужого человека Юле чувствовал себя неуютно. Коляска, ныряя на ухабах, прогремела по рынку мимо ратуши. Вскоре они миновали Герцберг. На дорожном щитке мелькнула надпись: «Грониц — 1,5 километра». Дедушка отдал мальчику вожжи. Юле взял их. Но он не почувствовал радости, — он просто не умел обращаться с ними. Лошадь сама хорошо знала дорогу.

Фрау Кун, мать Юле, сидела позади. Последний раз она видела своего отца одиннадцать лет назад. Он выгнал ее из дому. «Или ты оставишь этого красного бродягу, или никогда больше не переступишь порога моего дома!» — кричал он. И она ушла с одной картонкой, такая же бедная, как сегодня. Теперь она хотела бы уметь плакать, как многие другие женщины, потому что тогда бывает не так больно. Она радовалась, что через столько лет опять увидит деревенский пруд, большой покореженный дуб в парке, дом для прислуги, в котором она жила когда-то. Да, она радовалась — и в то же время все-таки боялась.

Вечером фрау Кун стала стелить сыну постель.

— Мы долго здесь пробудем? — спросил Юле.

— Тебе еще тут понравится, — сказала мать.

Юле не мог заснуть. Когда мальчик поворачивался, туго набитый сенник тут же соскальзывал на сторону. Поэтому Юле забился в щель между стеной и кроватью. Он лежал наполовину на сеннике, наполовину — на жесткой деревянной раме. Сырая стена пахла затхлостью. Из соседней комнаты доносились голоса.

— Значит, вы здесь. Хорошо, что мать всего этого не увидела. Ты и так уж достаточно испортила ей жизнь.

— Оставь, отец. Ты никогда не понимал меня. Я не могу выносить твоих упреков, они несправедливы.

— А ты знала, чем он занимался?

— Да.

— И ты позволила? Ждала, чтобы и его и тебя посадили в тюрьму за подрывную работу?

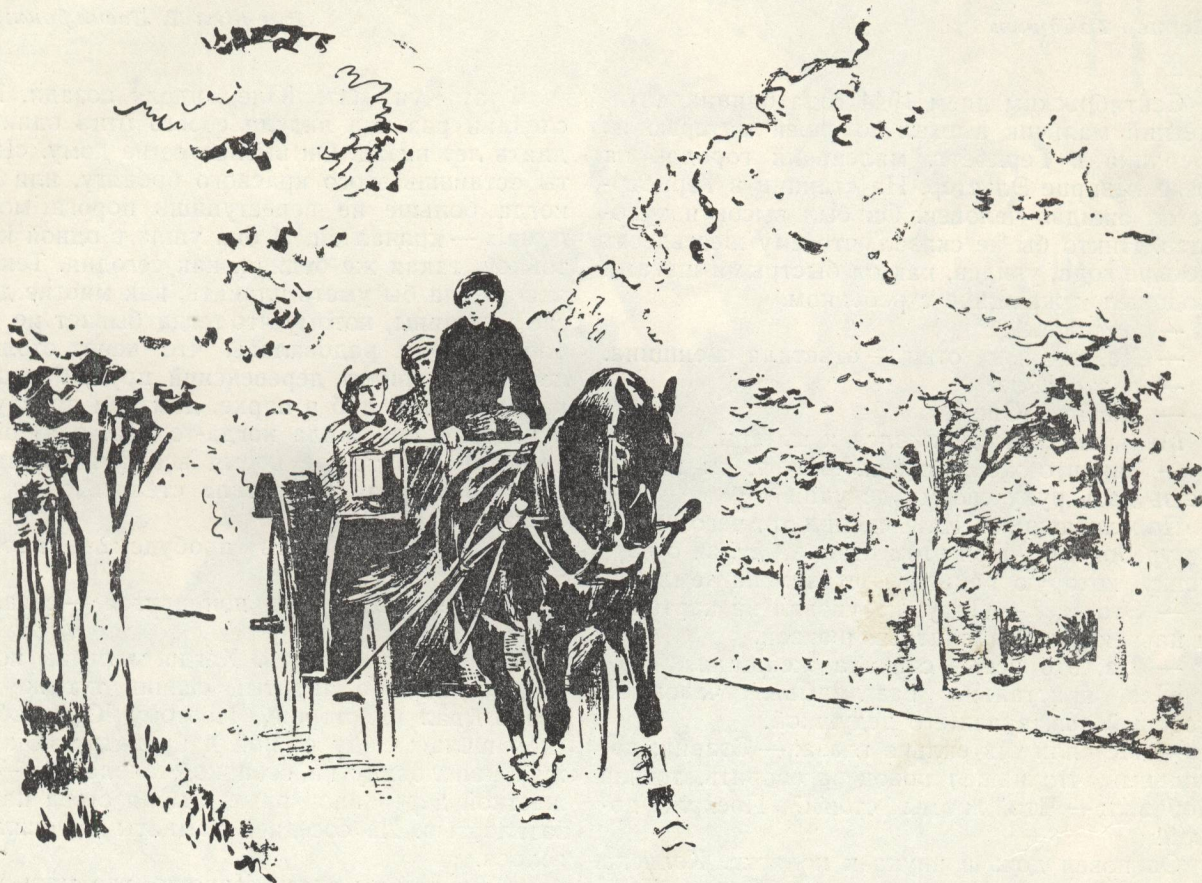
Юле прижал ухо к стене, чтобы лучше слышать.

— Ты этого не можешь понять, отец. Ты не мог понять меня и тогда, когда я вышла замуж за Роберта. Ты называл его бродягой, потому что он был слишком горд для того, чтобы служить графу. А я любила его и

уважала за то, что он не хотел быть слугой, каким ты остался и по сей день. Ты называл его коммунистом, желая обидеть. А он говорил мне: «Коммунист — это что-то великое. Я не коммунист. Но я хотел бы стать им. Коммунист — это огромное мужество, ум и любовь

Учитель выглядел очень старым. Юле подумал, что ему, наверное, уже лет восемьдесят. Однако господин Вицна был не старше деда Юле.

Ученики от первого до восьмого класса сидели в одной классной комнате. Юле получил



к простому народу. Ленин — вот это был коммунист! А я — я должен сперва доказать...» Через неделю после его ареста пришла бумага. «Умер от разрыва сердца», — было написано в ней. Но это ложь. Они замучили его до смерти, потому что он не хотел никого предавать.

В соседней комнате стало тихо. Мальчику хотелось побежать туда и прижаться к матери. Но там был человек, которого он не любил и боялся. Юле закусил подушку: слезы текли у него по лицу, как у маленького.

* * *

На следующее утро фрау Кун отвела Юле в школу. «Не доставляй мне неприятностей, — говорила она по дороге. — Нам обоим нелегко».

место на четвертой скамье у окна. Он считался пятиклассником. В то время, как господин Вицна занимался с одной группой, другие выполняли письменные задания. Юле было очень скучно. Он смотрел в окно. Страницы его тетради оставались чистыми.

На перемене мальчики и девочки столпились вокруг новичка.

— Откуда ты приехал? — спросил восьмиклассник Калле, самый сильный из всех.

— Из Берлина, — ответил Юле.

— Из Берлина? — изумились дети. — А правда, что там поезда ездят под землей?

— Только метро.

— А что это такое? — поинтересовалась маленькая девочка.

— Она не знает, что такое метро! — язвительно сказал Калле. — Метро — это метро,

глупая гусыня. Ты же слышала, оно ездит под землей.

— Как тебя зовут? — спросил другой.

— Господин Вицна уже сказал, — вмешался Калле. — Юле его зовут.

— Юле, зачем вы сюда приехали?

— Они разрушили наш дом.

— Кто они?

— Американские бомбардировщики.

На мгновение дети замолкли. Потом кто-то сказал: «Эти собаки!»

Калле выпятил нижнюю губу.

— Я бы хотел пережить что-нибудь такое. Тут часто объявляют тревогу, но ничего особенного не случается.

Юле ковырял песок кончиком ботинка.

— В Берлине нельзя спать, — сказал он. — И нет воды. А зимой так холодно! Лучше, чтобы самолеты не прилетали!

— Ты должен рассказать на собрании гитлеровской молодежи о своих переживаниях, — Хорст показал на Калле, — он командир.

Юле молча ковырял песок ногой.

— Ну, так как? — Калле толкнул Юле локтем. — Собрание сегодня после обеда.

— Не выйдет.

— Да перестань ты ковыряться в песке! Почему не выйдет?

— Никак не выйдет. — Юле посмотрел на Калле. Потом медленно сказал: — Я не состою в гитлеровской молодежи.

— Он не состоит в гитлеровской молодежи!

— Да разве может быть такое?

Юле смутился и спрятал руки в карманы.

— Почему ты не состоишь в гитлеровской молодежи? — поинтересовался Калле.

— Отец этого не хотел.

— А кто же твой отец?

Юле не ответил.

— Он приехал только с матерью, — сказал кто-то.

— Твой отец солдат?

Юле покачал головой.

— Ну, конечно, его посадили в тюрьму! — закричал Хорст. — Наверно, он стащил что-нибудь! Или, может быть, он друг русских?

Юле посмотрел себе под ноги.

— Смотрите-ка, — вскричал Хорст, — я прав! Конечно, его отец красный, он предатель.

— Сейчас же возьми свои слова обратно! Мой отец не предатель. — Юле дрожал.

Хорст ухмыльнулся.

— Твой отец подлец!

Одним прыжком Юле оказался рядом с Хорстом, вцепился в него и повалил на землю. Никто не встал между ними. Существовал молчаливый уговор: в единоборство вмешиваться не полагается.

Юле бил Хорста кулаками по лицу. Он сам был исцарапан, рубашка его порвалась.

Когда господин Вицна крикнул, что пора возвращаться в класс, никто его не услышал. Рассерженный учитель подошел и оторвал дерущихся друг от друга.

Дети с шумом расселись по местам. Господин Вицна, взбешенный, расхаживал взад и вперед перед кафедрой. Вдруг он остановился:

— Кто начал первый?

Молчание.

— Я спрашиваю, кто начал первый? — Учитель подошел к Юле, встряхнул его за плечи. — Ты слышал, что я спрашиваю?! — прокричал он.

Юле молчал.

Господин Вицна обернулся к старшим.

— Что произошло?

— Юле начал первый.

— Это правда, Юле? — спросил господин Вицна.

Юле молчал.

Голос учителя внезапно стал совершенно спокойным.

— Подойди ко мне.

Юле подошел к кафедре. Указательным пальцем левой руки господин Вицна приподнял его подбородок. Правой схватил трость. Совсем спокойно, почти тихо, учитель сказал:

— В тебя вселился козел, Юле, не правда ли, в тебя вселился козел? А ты знаешь, как его выгоняют?

Палка просвистела в воздухе, но не коснулась Юле.

— Вот видишь? Но ты можешь этого избежать. Так значит, ты начал первый?

Юле молчал.

Господин Вицна взял его левую руку. Трость свистнула опять и оставила на ладони мальчика красную полосу. От боли у Юле выступили слезы.

— Ну, Юле?

Юле молчал.

Потом, во время урока, встречаясь взглядом с Юле, учитель отводил глаза.

После уроков Калле созвал всех ребят. Юле был объявлен бойкот. Никто не смел разговаривать с ним. Отныне он назывался красным, и при встрече с ним полагалось плевать. Каждый подал Калле руку и сказал: «Клянусь!»

Юле шел из школы один. Вдруг маленькая рука дотронулась до его руки. «Тебе было очень больно?» — спросил тоненький голосок.

Юле увидел круглое, веснушчатое лицо девочки.

— М-м, — промычал он и покачал головой. Он обрадовался. Он больше не был один.

— Меня зовут Илона, я сижу на второй скамейке, — сказала малышка.

* * *

Прошел уже месяц, как Юле жил в Гронице. Мать с утра до вечера работала в поле. Нередко и Юле приходилось после обеда идти копать картофель. За это он получал десять пфеннигов в час, а вечером — несколько фунтов картофеля. Последнее время Юле часто бывал в замке. Жена владельца поместья звала его к своему пятилетнему сыну Чарли. Мальчик скучал в одиночестве и постоянно искал товарищей для игр. Когда его желаний не исполняли, он бросался на землю и начинал кричать и бить руками и ногами.

Юле чувствовал себя в замке неловко. Однако дедушка старался, чтобы Юле не обрывал своего знакомства с маленьким Чарли. «Это хорошо для тебя, Юле, — говорил дед. — Когда-нибудь, может быть, ты станешь управляющим. Будь всегда вежлив и вытирай хорошенько ноги, когда идешь к госпоже графине».

Но в один прекрасный день все повернулось иначе.

Юле и Чарли стояли на опушке парка. Немного поодаль граф Палличioni, верхом на коне, отдавал приказания Юлиному дедушке. Мальчики не знали, чем заняться.

Вдруг Чарли хлопнул в ладоши:

— Я знаю, что будем делать! — воскликнул он. — Будем играть в наездников. Ты будешь лошадь, а я наездник.

— Это скучно, — возразил Юле.

— Да нет же, нет же! Ты будешь — лошадь и будешь бегать на четвереньках по траве.

— Чепуха! — сказал Юле. — Это глупо.

— Это не глупо! Я хочу! Я хочу! — яростно закричал Чарли.

— А я не хочу!

Чарли схватил Юле за руки:

— В наездника! В наездника!

Одним рывком Юле высвободился, а Чарли упал на траву и заорал так громко, что обратили внимание взрослые.

— Что тут происходит? — строго спросил господин Палличioni.

— Он меня ударил! — визжал Чарли.

— Ты что, с ума сошел, олух! — закричал дедушка на Юле. — Как ты смел поднять руку на маленького?

— Он врёт, — защищался Юле.

— Он не хочет быть лошастью! Я хочу играть в наездника! — Крупные слезы катились по лицу Чарли.

— Ну, доставь удовольствие мальчику! — потребовал дедушка.

— Я не хочу!

— Ах ты, олух, ты не хочешь! — Дед жесткой рукой схватил Юле за шиворот и пригнул к земле. — Вот так! — старик поднял Чарли и посадил его Юле на спину. Палличioni смотрел на это с лошади, поигрывая хлыстом и улыбаясь.

— Вот так, — сказал дедушка, — а теперь — поехали. Но, лошадка, но!

Внезапно Юле лягнул и сбросил своего седока, который, описав в воздухе широкую дугу, повалился в траву.

Господин Палличioni соскочил с лошади. Удар хлыста рассек Юле лоб. Мальчик вскрикнул и упал.

— Сейчас же приведите врача! — приказал граф Юлиному дедушке.

Старик, сконфуженный, побежал прочь. Отец Чарли на руках понес сына в замок. Юле остался один.

Садовник тоже видел все происшедшее. Он подошел к Юле, поставил его на ноги. Налившаяся кровью полоса тянулась поперек лба, левый глаз заплыл. Садовник прижал Юле к себе и погладил по волосам. Углы его рта чуть заметно дрожали.

— Этого удара ты не должен забывать, мальчик! Никогда!

Юле посмотрел на садовника. У того были такие же глаза, как у отца. Юле крепко прижался к нему, словно этот человек мог защитить от всего.

* * *

Проходили недели. Наступила зима. Люди все чаще шушукались и поглядывали туда, откуда по ночам доносилось далекое, глухое грохотанье. «Русский», — шептали они.

Глухое грохотанье все приближалось. Однажды — это было в апреле — перед замком остановились два грузовика. Слуги вытаскивали из комнат большие ящики и грузили их на машины. Графиня, взволнованная, металась между замком и грузовиком. Господин Палличioni тоже, по-видимому, нервничал. Он торопливо отдавал приказания, ругаясь и кланяясь всех и всё.

Юле сидел на камне и смотрел.

— Скорее! Скорее! — кричал граф, красный от ярости. Он толкнул одного рабочего в спину так, что тот споткнулся: ящик с грохотом упал с его плеч на землю.

— Грузите свое барахло сами, — сказал рабочий и ушел.

Господин Палличioni был так поражен, что лишился дара речи.

— Неблагодарный народ, — вымолвил он наконец.

Дедушка тем временем хлопотал над ящиком. Кряхтя, он взвалил его на грузовик, затем обратился к своему хозяину:

— Ах, да отвяжись ты, старый дурак!

— Простите, господин граф! — старик даже охрип.

— Ладно, ладно! Иди в свою комнату и ложись в постель. Там ты будешь на месте.

Старик повернулся и сгорбясь пошел прочь. Он все еще держал в руке шапку.

Во двор замка въехала легковая машина. Семейство Палличioni покинуло имение.



— Господин граф, — он снял с головы шапку, — господин граф, прикажете мне запрягать лошадей?

Палличioni все еще был поглощен происшедшим.

— Что тебе нужно? — бросил он.

— Я думал, господин граф, что лошади... что карета...

— Какая карета? — перебил его Палличioni. — При чем тут карета?!

— Я полагал...

В тот же самый день большой отряд эсэсовцев вступил в деревню. Штаб расположился в замке. Перед деревней стали поспешно рыть окопы. Был издан приказ: Грониц защищать до последнего патрона. Гнетущий страх овладел женщинами, детьми, стариками.

* * *

Был поздний вечер. Юле сидел у матери, в маленькой комнатке для прислуги. Фрау Кун ждала гостей. Около десяти часов

пришли пятеро мужчин и две женщины, все пожилые, с седыми волосами. Только один молодой, но без руки.

— Разве не лучше было бы... — Однорукий кивнул на Юле, который сидел в углу и молча наблюдал за присутствующими.

— Малый надежен, — возразил садовник, — умеет держать язык за зубами. В такое время нам нужен каждый. — Он притянул Юле к себе. — Ни слова никому о том, что ты здесь услышишь. Ну, по рукам, Юле? Понимаешь — ни слова!

Юле кивнул, уперся локтями в колени, а подбородком в ладони. Его большие глаза блестели.

— А старик нам не помешает? — спросила одна из женщин.

— Он придет домой не раньше двенадцати, — ответила мать Юле. — Он в гостинице, там ликвидируют старые запасы. Хочет залить свое горе. Ведь Палличioni назвал его старым дураком!

— Ладно, тогда к делу!

— Да, к делу! — повторил садовник. — Если мы ничего не предпримем, через несколько дней деревня превратится в развалины. Эсэсовцам терять нечего. Офицеры хотят продержаться у власти еще хоть два — три дня. Люди для них — навоз, и солдаты, и женщины, и дети...

— Но что мы можем сделать? — спросил старый батрак.

— Если бы достать винтовки! — воскликнул однорукий.

— Ну и что? Парочка стариков и три женщины против тех?

Садовник покачал головой.

— Есть только один путь: советские войска должны как можно скорее занять деревню.

— Но как этому помочь? — Фрау Кун просительно посмотрела на него.

— Есть одна возможность: брод.

Юле напряженно прислушивался к разговору.

— Что за брод? — спросил однорукий.

Садовник схватил карандаш и бумагу.

— Смотрите: вот наша деревня. Тут мельница. Примерно в пятистах метрах вниз по реке растет старая ива. Там и находится брод.

— Я знаю это место! Я знаю, где это! — Юле вскочил.

— Тише, парень! — Садовник строго взглянул на него. — На этой дороге очень мало часовых. Они все охраняют мост: он заминирован и взлетит на воздух вместе с первым же советским танком.

— Откуда ты все знаешь? — перебила садовника кухарка.

— Это неважно. Советские войска находятся как раз на том берегу. Завтра же ночью я приведу их в деревню.

— Ты? Ты нужен здесь!

— Позвольте мне, — сказал Юле, дрожа от волнения.

Садовник покачал головой.

— Это не для тебя, Юле. Значит, завтра ночью. Будьте наготове. Но не действуйте слишком поспешно. Когда советские войска будут в деревне, все пойдет по-другому.

* * *

На рассвете эсэсовцы выгнали во двор всех обитателей замка. Десять стариков и семнадцать женщин стояли посреди двора, построившись в шеренгу. Дети жались у дверей, выглядывали из окон, кричали.

Юле прошмыгнул в конюшню. Оттуда ему все было видно.

— Кто это сделал? — проревел офицер. Он показал на замок. На обеих его башнях развевались флаги — белый и красный. — Какая свинья это сделала, я спрашиваю? Я всех вас перевешаю! Даю пять минут.

Никто не выходил из строя.

Офицер шагал взад и вперед.

— Одна минута прошла, — сказал он.

Солдаты снимали с башен флаги.

— Три минуты прошло, — сказал офицер.

Женщины заплакали.

— Мы не виноваты. Мы ничего не знаем!

— Четыре минуты!

Какой-то человек на костылях упал.

— Пять минут!

Офицер сделал знак солдату.

— Каждого пятого, — приказал он.

Страх схватил Юле за горло.

Раз, два, три, четыре, пять! Кухарка вышла вперед!

Раз, два, три, четыре, пять! Шестнадцатилетнюю девушку вытолкали прикладами в спину.

Юле так боялся за мать, что закрыл глаза.

Раз, два, три, четыре, пять! — услышал он.

Юле укусил свою руку.

Раз, два, три, четыре, пять! Кто теперь вышел?

Раз, два, три, четыре, пять!

Было так тихо, словно на всем свете не осталось в живых ни одного человека. Юле открыл глаза. Его мать стояла в длинной шеренге. Но дедушка! Дедушка был впереди, среди пяти других.

— Через десять минут они умрут! — сказал офицер. Теперь он говорил безо всякой ярости.

Команда солдат выстроилась. Офицер кивнул.

— Заряжать!

Зашелкали затворы.

— Это сделал я.

Все взглянули в одну сторону. Из длинной шеренги вышел садовник.

— Ага, присмирели! — заметил офицер. — Встать в строй!

Пять человек, шатаясь, вернулись обратно в шеренгу.

— Всем смотреть на расстрел! — раздался приказ.

Садовнику было велено встать на навозную кучу.

— Какая будет последняя просьба?

Офицер задал этот вопрос почти улыбаясь. Садовник задумался. Тем временем Юле пробрался к матери.

— Итак? — майор скрестил руки.

— Я хотел бы поцеловать мальчика.

— Перед смертью человек становится сентиментальным! — офицер осклабился.

— Ну, парень, беги сюда!

Садовник погладил Юле по лбу, на секунду прижал его к себе.

— Не забывай хлыста, Юле, — сказал он. Потом поднял на руки и поцеловал. Их глаза встретились.

Уходя, Юле услышал залп. Он не обернулся. Он все шел и шел, не зная, куда. В парке обхватил какое-то дерево, прижался лицом к его коре. Рывания сотрясали его тело. Ему казалось, что он второй раз потерял отца.

Старый батрак, страшно взволнованный, прибежал к матери Юле.

— Это сделал не садовник... — Старику не хватало дыхания... — Мы все до самого утра были вместе. Когда он увидел, что эсэсовцы не шутят, он шепнул мне: «Лучше один, чем пять. Какая-нибудь горячая голова поторопилась. Юле знает брод!» И потом вышел вперед.

Юле весь день не возвращался домой. Он не чувствовал ни голода, ни жажды. Фрау Кун в отчаянии искала своего сына. Когда стемнело, она стала бегать из дома в дом. Никто не видел Юле.

* * *

...Осенью Юле часто ходил к мельнице, любил смотреть на бурлящую воду, которая крутит мельничное колесо. Поэтому он нашел



дорогу и ночью. Ну да, вот и большой камень. Юле снял одежду и положил ее на голую. Он благополучно перебрался на другой

берег. Вытерся нижней рубашкой и отбросил ее прочь. Было очень холодно. Но где же советские солдаты? Вокруг ни звука.

Вдруг взлетела ракета. Юле испугался. Сам он различал только голые поля, — но другие должны были ясно видеть его, Юле. Он побежал. Внезапно его схватили, прижали к земле. Юле вскрикнул. Рука зажала ему рот. Два человека заговорили между собой на незнакомом языке. Его подвели к какому-то дому с неосвещенными окнами.

Внутри дома ярко горели свечи. За столом сидел человек. Наверное, офицер, — на погонах у него были звезды.

— Ты кто? — спросил офицер.

Юле назвал свое имя.

— Ты что хочешь? Почему не быть дома?

Волнуясь, Юле отвечал, тоже нелепо коверкая язык:

— Я вас вести... через брод...

Офицер изумился. Наверное, не поверил мальчику. Тогда Юле вытащил рисунок садовника, который прятал у себя на груди.

— Вот тут я могу вас провести, — повторил он, — тут неглубоко.

* * *

Советские войска совершенно неожиданно появились перед охраной замка. Деревня была взята без боя.

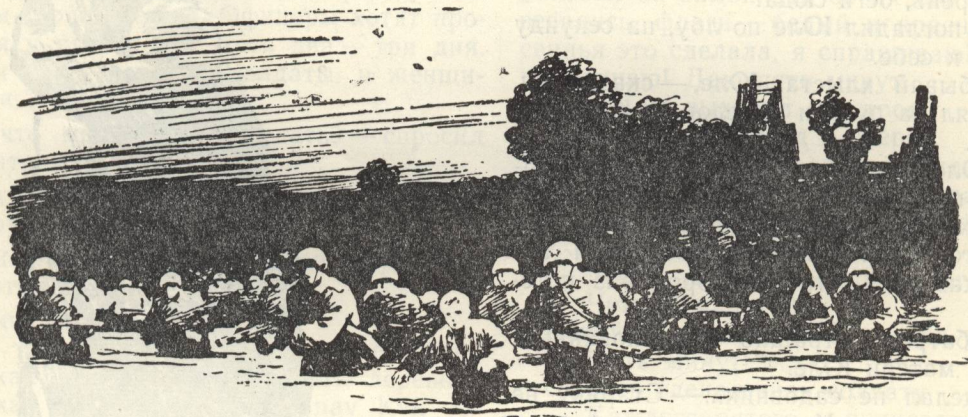
В ту же ночь советский штаб занял комнаты замка Палличиони. Советский офицер отвел Юле к матери. Та обхватила его руками и не могла от него оторваться.

Офицер улыбнулся:

— Хороший мальчик, — сказал он. — Мы есть друзья.

И он подал Юле руку. Рука была загрубевшая, грязная. Юле схватил ее обеими своими руками, — ему не хотелось ее отпускать.

Перевела с немецкого Р. Зевина



КИНОКАДРЫ ОБВИНЯЮТ



Тихий курортный городок на острове в Северном море. Волны. Прибрежные дюны. Черепичные крыши пансионатов для отдыхающих.

А вот и бургомистр — седоватый, безобидный старичок.

Стоп!

На остановившийся кинокадр накладывается фотография из архива.

Вас узнали, господин Рейнефарт! Таким вы были шестнадцать лет назад: генерал черной гвардии Гитлера, палач и истязатель. Люди не забыли, за что награждал вас фюрер крестами и медалями!

Другой кадр-обвинение.

Падают у стены казенные герои французского Сопротивления, — так приказал Шпейдель. Рушатся мосты над Кубанью, взлетают к небу обломки зданий, горят деревни, — так приказал Шпейдель. И через шестнадцать лет, — вот он, на параде, коман-

дующий агрессивными силами НАТО. Сам боннский канцлер Аденауэр, как когда-то Гитлер, доверительно жмет ему руку.

Эти фильмы: «Отпуск на Зильте», «Операция „Тевтонский меч“» — создали на киностудии «Дефа» в Германской Демократической республике режиссеры Аннелъ и Андрэ Торндайки.

Неустанно собирали они фотографии, старые ролики пленки, листы свидетельских показаний, протоколы допросов. Иногда было очень трудно добыть нужный кадр. Как, например, снять Рейнефарта, спокойно здравствующего в укомном уголке? Помогли два западногерманских оператора. Рейнефарт самодовольно позировал перед камерой, а когда догадался, — было уже поздно. Правда, кинооператоров на пять месяцев посадили в тюрьму...

Фильмы режиссеров-антифашистов с огромным успехом демонстрировались в кинозалах Европы. Солоно пришлось их «главным

героям» — генерал Шпейдель даже обратился в суд с заявлением. Он уверял, что не причастен к делам, которые разоблачаются в картине, и требовал ее запретить.

Тогда Торндайки тоже потребовали судебного разбирательства, представили суду свои filmy и использованные при съемках документы.

И министерство юстиции Западной Германии село в калошу. С одной стороны, нужно как-то выгораживать Шпейделя, с другой стороны — факты упрямо заявляют: «Виновен!» Не начинать процесса нельзя, и начинать тоже нельзя: он заранее обречен на провал...

Вручая Андрэ Торндайку в день его пятидесятилетия Орден Труда, Вальтер Ульбрихт сказал: «Пусть ваши filmy служат делу мира и убивают войну!»

Так понимают свою задачу и сами Торндайки. Никакие шпейдели и рейнефарты не смогут им помешать.

ПРО БЕСЦЕННЫЕ МИНУТКИ И ПОТЕРЯННЫЕ СУТКИ

Борис Копалыгин

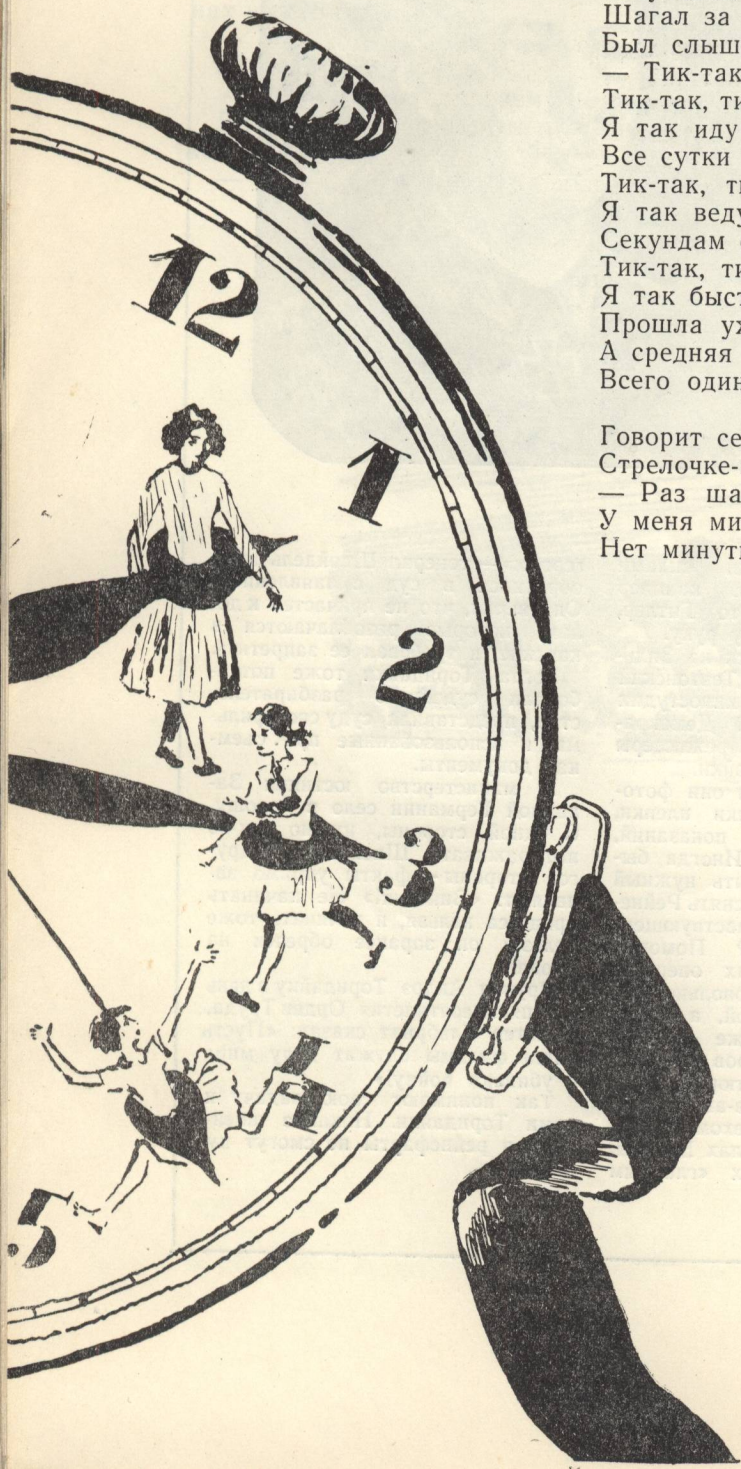
Рисунки А. Скалозубова

Секундной стрелки волосок
Шагал за шагом шаг.
Был слышен тихий голосок:
— Тик-так, тик-так, тик-так.
Тик-так, тик-так,
Я так иду
Все сутки напролет,
Тик-так, тик-так,
Я так веду
Секундам строгий счет.
Тик-так, тик-так,
Я так быстра,
Прошла уж весь кружок,
А средняя моя сестра —
Всего один шагжок.

Говорит сестра в ответ
Стрелочке-малютке:
— Раз шагнула я — и нет
У меня минутки.
Нет минутки, вот беда,

Миг — и пролетела.
Ты не скажешь ли, куда
Я минутку дела?

Отвечала на бегу
Стрелочка-малютка:
— Я поведать не могу,
Где твоя минутка.
Ты всегда имей в виду:
Я секундам счет веду.
Но тебе совет такой
Я даю, сестрица:
Ты спроси у часовой,
Вот она — перед тобой,
Возле единицы...
Глянешь —
Кажется, близка
Старшая тихоня,
Но для средней три шажка —
Целая погоня.
Поползла она вперед
По деленьям мелким,
Знает:
Эта не уйдет,
Тише нету стрелки.
До сестрички добралась,
Крепко к ней прижалась:
— Я с тобою целый час
С лишним не встречалась.
У меня, сестра, беда:
Шла я, не глядела,
И неведомо куда
Я минутку дела.
— Как помочь тебе, мой свет,
Я сама не знаю, —
Заявила ей в ответ
Стрелка часовая. —
Ты, родная, не сердись,
Не спеши проститься,
Лучше к людям обратись.
Милая сестрица.
Обратилась стрелка к людям.
Те сказали:
— Всё рассудим.
Есть рабочий среди нас.
Первым он начнет рассказ.



Рабочий:

Расскажу я по секрету
Удивительную быль:
Наш завод минутку эту
Превратил в автомобиль.
А когда минутка стала
Силачом-грузовиком, —
Заурчала и умчала
По дороге напрямик.

Обувщик:

А мы из той минуты
Наделали сапог.
Теперь в нее обуты
Четыре сотни ног.
Идут ребята лихо,
Им обувь в самый раз.
Я кончил, но ткачиха
Продолжит мой рассказ.

Ткачиха:

Мы тоже не дремали,
В минуте знали толк,
Мы из нее наткали
Сатин, атлас и шелк.
Сошьют из них наряды
Всех красок и цветов,

Оденешься — и взгляда
Не отведет никто
От вышитой рубашки,
От блузки голубой,
От платья, где ромашки
Красуются гурьбой.

Кондитер:

Постарался и кондитер.
Я принес большой пакет,
В нем почти пятьсот конфет.
Да каких! —
Он слюнки вытер. —
Вот минуточка одна,
С ней накормишь и слона!

Печатник:

Минутка стала у одних
Могучею на диво,
Минутка стала у других
Удобной и красивой,
У третьих сделалась вкусна,
Оберткой зашуршала,
Ну, а какой у нас она
В цехах печатных стала?
Пускай одна минутка — миг
В работе человека,
У нас тот миг стал сотней
книг, —

И вот библиотека.

В ней книжки есть про
Кошкин дом
И про царя Гороха,
Про дядю Степу
И о том,
Что хорошо, что плохо.
Есть и о рыбке золотой,
Есть про ковер чудесный...
Так, значит, сделалась какой
Минутка?

Минутная стрелка:

— Интересной!

Часовая стрелка:

А если дать вам целый час —
Минутка в нем частица —
В какое ж чудо час у вас
В работе превратится?

Рабочий:

Спросить бы нам на этот счет
Лентяя-лежебоку,
Бездельник семечки грызет,
И никакого проку.
Весь день лежит он на боку,
Летят, летят минутки.
Он превращает в шелуху
Свои часы и сутки.
Придет старик с метлой
Во двор
И подметет их,
Словно сор.





КРАСНЫЙ ВАГОН

Н. Печерский

Рисунки Н. Кустова

Глава первая

Лука Бабкин и его брат Глеб жили в небольшом таежном городке. Матери у Глеба и Луки уже давно не было, а отец их, лесной объездчик, погиб два года назад. Поехал зимой в тайгу, встретился с медведем-шатуном

и не вернулся... И остались мальчишки круглыми сиротами — только Глеб да Лука, только Лука да Глеб...

В лесной школе учились ребята из разных деревень — из Авдотьино, Проталин, Золотых Ключей. Своих мальчишек и девчонок было совсем мало: десятиклассница Зина-Зинуля, третьеклассник Колька Пухов и потом уже совсем мелкая мелкота. А настоящих товарищей, таких, чтобы дружить, тут не было.

И жилось Глебу, конечно, очень скучно. Ни кино, ни цирка, ни трамваев.

Только высокие-превысокие сосны, только буреломы да никудышная, пересыхающая летом речка Зеленуха.

Еще месяц назад Глеб думал, что жизни этой в тайге скоро придет конец.

Лука закончит десятилетку, и укатят они в какой-нибудь большой, настоящий город.

Лучше всего, конечно, поехать в Севастополь или Одессу.

Там — необозримое море, там — громадные быстроходные лайнеры и неуловимые верткие катеры.

Там на корабле можно какой угодно подвиг совершить.

Да, там совсем не то, что в лесном поселке. Какие в лесном поселке подвиги!

Если Лука не захочет в Севастополь или в Одессу, можно, пожалуй, укатить к тетке в чудесный город Никополь.

Моря в Никополе нет, но зато там есть река Днепр.

От Днепра к морю — рукой подать. Сел на пароход и плыви, куда хочешь, — хоть в Одессу, хоть в Севастополь, хоть еще дальше...

В прошлом году они уже ездили в Никополь и всё там рассмотрели и разнюхали.

Во-первых, в Никополе был институт для Луки, во-вторых, там обучают грести на шлюпках, в-третьих...

Но что — в-третьих! Так можно считать до тысячи, а то и больше...

Тетка в Никополе тоже хорошая. Поищи в другом месте таких теток!

В первый же день они до отвала наелись украинского борща, а потом еще на закуску получили по целой миске вареников с вишнями.

Вареники Глебу очень понравились. Он съел миску, а потом еще полмиски, а потом еще два — больших-пребольших.

Хо-хо, таких вареников никогда не забудешь! Даже сейчас: закроешь глаза, пошевелишь языком и чувствуешь, как во рту растекается сладкий вишневый сок.

Повесть печатается с сокращениями

А Лука тогда добавки не попросил. Поел, вытер губы рушником с красными петухами по краям и сказал:

— У нас в Сибири тоже ягода куда как хороша...

Тетка обиделась, начала греметь посудой.

— Если наша не нравится, не надо. Сиди в своей Сибири вместе с медведями.

— Не в вишнях, тетя, дело. Зря обижаешься.

Глеб еще тогда смекнул, что Лука хитрит и держит что-то себе на уме.

Теперь, когда уже наступило время собираться в путь-дорогу пожитки, Глеб решил проверить, что же такое надумал Лука.

Он сел к столу, взял чистую тетрадку и начал сочинять тетке письмо.

Когда Лука вернулся домой, Глеб показал ему конверт и сказал:

— Лука, я пошел на почту.

Раньше Глеб никогда не ходил на почту. Он думал, что Лука удивится и начнет спрашивать, что он там и кому написал.

Но Лука спрашивать почему-то не стал.

— Иди, — сказал он, будто бы ничего такого не случилось.

Глеб потоптался, покосил глазом на Луку и добавил:

— Это я тетке письмо написал.

— Очень хорошо. Совсем старуху забыли.

— Я ей про все написал, — упавшим голосом сказал Глеб.

Но даже и это не подействовало на Луку. Он открыл учебник и, не поднимая головы, сказал:

— Ну, иди, иди, не мешай.

Хорошенькое дело — не мешай!

Глеб бросил письмо в почтовый ящик и, так как делать было больше нечего, пошел по поселку куда глаза глядят.

Теперь уже Глебу стало совсем ясно — Лука хитрил, не хотел ехать ни в Одессу, ни в Севастополь, ни в чудесный город Никополь.

Конечно, Глеб мог бы не играть в кошки-мышки, а спросить прямо:

— Едем или не едем?

Но тогда Лука мог ответить:

— Не поедem.

А Глеб боялся услышать это.

Но все-таки Глеб узнал всю правду. И не от Луки, своего родного брата, а совсем от постороннего человека.

Случилось это так. Глеб шатался по поселку и вдруг услышал за плетнем в огороде Зины-Зинули тяжелые и горькие вздохи.

Вначале Глеб подумал, что вздыхает Зина-Зинуля или, может быть, даже ее отец Алушкин, но потом прислушался и понял, что это

вовсе и не человек, а глупый и задиристый козел Алушкиных — Филька.

Глеб презирал и козла, и самого Алушкина.

Это был вредный старик: «Этого нельзя. Того не трогай. Туда не ходи». Даже в школу на вечера самодеятельности и то Зину-Зинулю под конвоем водили.

Если бы Глеб был на месте Луки, он бы уже сто раз насолил Алушкину! Но Лука очень вежливо здоровался с Алушкиным и улыбался ему при встрече.

Глеб знал, где тут собака зарыта. Лука сохнул по Зине-Зинуле или, как говорили девчонки, был к ней не-рав-но-ду-шен!

Глеб сам видел, как Лука провожал Зину-Зинулю под ручку. Если бы Лука был равнодушен, он не стал бы ходить с ней под ручку. Это и дураку понятно.

Глеб думал про все это, слушая козлиные вздохи, и даже не заметил, как отворилась дверь и на пороге появился Алушкин.

— Ага, это ты! — сказал он. — Ты мне, братец, как раз и нужен!

Глеб не чувствовал за собой вины, но все-таки отступил назад. Уж очень злое было у Алушкина лицо. Худое, морщинистое, с длинной и узкой, как у козла Фильки, бородой.

Сначала Глеб решил, что Алушкин вот-вот размахнется и треснет его в ухо.

Но козлиный собственник, как видно, драться пока не думал. Он остановился и очень тихо, каким-то шипящим голосом, сказал:

— Ты вот что... передай своему брату: если не желает ехать в институт, пускай не едет. А другим морочить голову нечего, хоть он и комсомольский секретарь... Пускай прекратит, а то я ему все ноги поперебиваю. Понял?

Глеб отступал все дальше и дальше. Когда опасность уже миновала, он круто повернулся и что было духу помчался прочь.

А издали неслось:

— Поперебива-а-ю... поня-а-л?

Ночью у Глеба поднялся жар.

Он не знал, отчего это, — от сильных переживаний или, может быть, оттого, что перекупался вечером в Зеленухе?

Он несколько раз вставал, дрожащей рукой черпал в темноте ковшом из ведерка колодезную воду. Вода казалась ему теплой, горькой и противной, как касторка.

Глава вторая

Глеб провалялся в кровати три дня.

Два дня он болел по-настоящему, а третий — просто так, назло Луке.

Как раз в то время, когда Глеб болел «просто так», в школе был выпускной вечер. Лука тоже ходил на этот вечер. Надел сапоги, вельветовую куртку с молнией и ушел.

А Глеб остался один. Смотрел в открытое окно, слушал, как в школе играет радиолы, и думал:

— Я тут лежу, а Лука там танцует. Разве настоящие братья так поступают?

Лука возвратился скоро.

Глеб даже не стал спрашивать, почему Лука такой веселый и почему у него в глазах рыжие искры.

Он еще вчера все узнал.

Лука получил комсомольскую путевку, и теперь они, то есть Лука и Глеб, уже окончательно и бесповоротно едут на стройку.

Хо-хо, это только так говорится — «едут»! На самом же деле они куда не едут, а просто-напросто остаются в Сибири. Где-то тут, совсем недалеко, за горой, которая называется Три Монаха, прокладывают железную дорогу. Вот туда-то их всех и отправляют, и этого сумасшедшего Луку, который, между прочим, получил в школе золотую медаль, и вообще всех десятиклассников.

А про тетку, про море и Никополь Лука даже и не вспомнил.

Как будто бы на свете ничего этого и не было — ни моря, ни кораблей, на которых можно совершать любые подвиги, ни тетки, ни Никополя, ни самого Глеба.

«Раз так, пускай будет так, — уныло решил Глеб. — Пускай Лука делает с ним, что хочет. Хоть в колодец выбрасывает. Ему теперь все равно».

А Лука, казалось, и не замечал такого настроения Глеба.

Пришел из школы, потрогал Глебову голову и сказал:

— А она у тебя, Глеб, уже не горячая.

Не горячая! Полежал бы сам три дня, тогда бы узнал!

Лука хотел еще что-то сказать, но Глеб отвернулся и жалобно, как это умеют делать только больные, простонал.

Лука долго мерил комнату шагами, а потом остановился возле кровати и сказал:

— Я тебя, Глеб, не понимаю: что ты за человек?

Глеб не ответил.

— Не понимаю, — уже совсем раздраженно повторил Лука. — Дед у нас был рабочий. Отец — рабочий. Я тоже буду рабочим. А ты кем хочешь быть, говори?

Глеб молчал.

— Нет, я тебя спрашиваю, кем ты хочешь быть — капиталистом, помещиком, узурпатором?

Хо-хо, узурпатором! Если Лука хочет знать, так он сам узурпатор. Даже хуже.

Лука постоял еще немного возле Глеба и вышел, хлопнув дверью.

А Глеб лежал, хмурил брови и думал — правильно он поступил или неправильно? Конечно, правильно. Сам узурпатор, а на других сваливает!

В кровати можно лежать день, два, а три дня — это уже трудно. Тем более, когда у тебя нет температуры и хочется есть.

А Глеб знал: на плитке, накрытый одеялом, стоял котелок с гречневой кашей и кусками жареного мяса.

Мясо Глеб очень любил.

Он прислушался к шагам за окном, быстро соскочил с кровати и припал к котелку, как медведь к березовой колоде с медом.

Тут-то у Глеба и произошла осечка.

Он так увлекся едой, что не заметил, как дверь отворилась и в комнату вошел Лука.

— Кашу поедает, капиталист? — спросил Лука.



От неожиданности Глеб даже присел.

— Мы-ы-вы, — неопределенно промычал он, торопливо прожевывая кашу.

— Вот тебе и «мы-вы»! Марш за водой, симулянт!

Гремя ведром, Глеб пошел к колодцу.

Когда он возвратился, Лука с засученными рукавами стоял возле корыта. На полу лежала куча грязного белья.

— Завтра выезжаем, — сказал Лука, наливая воду в корыто.

Утром Лука привел отца и мать третьего классника Кольки Пухова. У этих Пуховых прохудилась изба, и теперь они страшно обрадовались, что Лука уезжает и отдает им почти даром хороший дом.

Лука продал не только дом, но и все, что в нем было — и кровати, и кастрюли, и медный умывальник, который они совсем недавно купили с Глебом в Иркутске.



«Продавай, продавай, — мрачно думал Глеб. — Можешь даже меня продать. Тебе это ничего не стоит».

А потом Лука ушел, а Глебу приказал сидеть дома и ждать команды.

Колька Пухов и его мать тоже остались. Мать Кольки хозяйничала в избе и все время

поглядывала на Глеба. Наверно, она боялась, что Глеб тут что-нибудь стянет или разобьет.

И от этого Глебу было еще тоскливее.

Нахально вел себя и Колька. Он нашел где-то большой ржавый гвоздь и заколотил его в стену.

Глеб жил в этом доме двенадцать лет и то никаких гвоздей не забивал.

Сначала Глеб хотел треснуть этого дурака по затылку, но потом передумал. Раз он теперь тут хозяин, пускай забивает...

Подводы из леспромхоза, которых ждали с самого утра, прибыли только на закате.

Лука примчался в избу как угорелый и крикнул:

— Собирайся! Живо!

Но у Глеба было уже все готово. Он взял под мышку полотняный мешок с рубашками, трусами, коробкой цветных карандашей «Искусство» и поплелся за Лукой, как на смертную казнь.

Возле ремонтных мастерских, там, где еще недавно работал Лука, стояли две телеги, сутились десятиклассники.

«Лошадей хороших и то пожалели!» — подумал Глеб, разглядывая двух низкорослых равнодушных меринов.

И лошади — белые, с множеством мелких бурых пятнышек на спине, и груды мешков и узлов на телегах, — все это совсем не было похоже на проводы добровольцев, которые Глеб видел в кино.

Там, по крайней мере, играл оркестр, ораторы произносили речи, и каждому отъезжающему дарили балалайку или еще какой-нибудь другой ценный подарок.

А тут и провожающих почти не было. Десятиклассники жили кто где — кто в Авдотьине, кто в Золотых Ключах, кто в Проталинах. И каждый, конечно, уже давно простился с домашними.

Вокруг нагруженных доверху телег озабоченно ходила завуч Таисия Андреевна. Она вытирала платочком заплаканные глаза и без конца повторяла:

— Вы там смотрите, дети, вы смотрите...

Все здесь показалось Глебу и очень знакомым и в то же время совсем не таким, как раньше.

Куда делись белые кружевные передники, пышные кокетливые банты и строгие, перетянутые лакированными ремнями гимнастерки?

Мальчишки и девчонки уже заранее купили в магазине спортивные куртки и шаровары и теперь стали похожими друг на друга, как чернильницы-непроливашки.

И только Димку Кучерова, которого назы-

вали в школе Лордом, можно было узнать за версту.

На Димке был светлый пиджак в крупную клетку, шикарные брюки галифе и коротенькие с подвернутыми голенищами сапожки.

Высокий, горбоносый, с узенькой полоской белокурых усов и длинными, как у попа, волосами, он что-то рассказывал девочкам и на глазах у Таисии Андреевны дымил папиросой.

А Зины-Зинули не было.

Ставни на ее окнах закрыты. У калитки, мерцая желтыми ядовитыми глазами, стоял козел Филька.

Распоряжался и командовал всем Лука.

Скорее всего, никто его и не назначал командиром. Лука такой человек, что и сам себя назначит.

Ишь как распоряжается:

— Куда кладешь? Разве не видишь, что сюда нельзя класть!

Но вот, пожалуй, все готово.

Лука построил десятиклассников по четыре, придиричиво оглядел из-под своих широких темных бровей строй, подровнял и, будто бы в самом деле командир, растягивая слова, приказал:

— Ша-го-ом ма-а-рш!

В ту же минуту над колонной взлетело ввысь знамя. По бархатному полю, изгибаясь, побежали вышитые золотом слова: «Ученикам десятого класса от райкома комсомола».

Глава третья

Сразу же за школой начался лес — густой, сумрачный и загадочный, как тайга. Телеги покатили по узкой, заросшей травой просеке.

Строй изломался, рассыпался по тайге. Идти становилось все труднее и труднее. Глеб хотел было уже взобраться на телегу, но вспомнил Луку и тут же передумал.

Снова скажет: «Капиталист! Узурпатор!»

Смеркалось. Натыкаясь в темноте на пеньки, несчастный капиталист молча и угрюмо шагал за телегой.

Но Лука все-таки догадался, что Глебу трудно. Он пришел откуда-то из темноты, тихо и дружелюбно сказал:

— Давай, Глеба, подсажу.

Лука очень редко называл брата «Глеба». Но и Глеб не оставался тогда в долгу. Он подходил к Луке, прижимался головой к его сильному, крутому плечу и едва слышно говорил:

— Лучок!

Но сейчас Глеб промолчал.

Он залез в телегу, накрылся ватником и стал думать о своей неудачной, теперь уже окончательно испорченной жизни.

Слева и справа тянулись ввысь ряды корабельных сосен. Сверху, будто бесконечная река, лилась узкая, усыпанная звездами полоска неба.

Глебу казалось, будто он не едет на телеге, а плывет по этой реке на лодке в далекие-далекие дали, откуда никто на свете не знает дорог и возврата.

Но думать долго Глеб не умел. Он поворачивался среди мешков с поклажей, повздыхал и уснул.

Когда он проснулся, было уже утро.

Телеги стояли на большой, освещенной солнцем поляне. Неподалеку, позвякивая уздечками, паслись лошади.

Вокруг горели походные костры. Возле каждого огонька что-то пекли, варили, поджаривали.

Гонимые ветерком, плыли оттуда такие аппетитные запахи, что Глеб даже причмокнул языком и проглотил слюну.

— Глеб! Сюда-а! — донеслось издали.



Можно было поломаться, показать характер, но Глебу хотелось есть. Он напустил на лицо хмурое, недовольное выражение и пошел на зов.

У костра сидел на корточках Лука. Левая рука у него была перевязана бинтом. Лука порезался в мастерской железной стружкой и теперь, наверно, после вчерашней стирки, рука опухла. Из-под бинта выглядывали розовые лоснящиеся пальцы с непривычно белыми короткими ногтями. Рядом с Лукой сидел его закадычный друг Сережа Ежиков, а немного подалее, вытянув длинные ноги в желтых изящных сапожках, лицом вверх спал Димка Кучеров.

Сережа что-то старательно и не торопясь размешивал в котелке ложкой, привязанной к длинному обгорелому пруту.

Друг Луки, Сережа Ежиков, всегда все делал не торопясь, будто бы раздумывая и приглядываясь к чему-то, совершенно недоступному другим. Но все хорошо знали: если Сережа взялся за какую-нибудь работу, можно не бояться — не подведет.

Глеб заглянул мимоходом в котелок и понял, что Сережа варит всего-навсего обыкновенный пшенный суп.

Глеб нахмурился еще больше. Отошел в сторонку и сел там, скрестив ноги.

Трещали сучья, деловито булькал котелок.

Сережа еще раз опустил туда ложку, попробовал суп и вопросительно посмотрел на Луку.

— Готов? — спросил Лука.

Сережа, не торопясь, облизал ложку, пожал плечами.

— Кажись, готова... Буди Лорда.





Разбудить Димку было делом нелегким, потому что Димка спал как убитый. Даже в школе и то умудрялся засыпать.

Но сейчас Луке удалось как-то сразу привести Димку в чувство. Лука щелкнул его по носу раз, другой, и тот поднялся.

Недовольно протирая заспанные глаза, Димка подошел к костру, сверху вниз, будто в колодец, заглянул в котелок.

— Ну, что, л-лорды, супец изготовили?

Димке не ответили.

Но Димка ничуть и не смутился. Подсел к котелку, ловко, будто фокусник, вынул из пальцев Ежикова ложку и запустил ее в самую гущу.

На круглом, усыпанном веснушками лице Сережи не дрогнула ни одна жилка. Будто он все это знал и предвидел.

Сережа молча отобрал у Димки наполненную доверху ложку и начал спокойно и сосредоточенно есть.

— Но это же несправедливо, л-лорды, — обиженно сказал Димка. — У меня ж нет оружия производства...

— Возьми мыльницу, — кивнул головой Лука, — ополосни и ешь, если хочешь.

Димка ополоснул розовую ребристую крышку от мыльницы и снова подсел к котелку.

Зачерпнул, попробовал и замотал головой.

— Если не нравится, можешь не есть, — сурово сказал Лука. — Не неволим.

Димка ковырнул в котелке еще раз, другой и разочарованно положил мыльницу на траву.

— Вы, л-лорды, как хотите, а я пошел к девчатам. Там колбасу жарят.

Встал, поддернул галифе и зашагал к костру, возле которого хозяйничали девчата. Оттуда и в самом деле несло жареной колбасой.

Глеб с завистью смотрел вслед Димке. Глеб тоже не любил супов, а тем более пшен-

ных. Он любил такую еду, которую можно было кусать: мясо, колбасу, котлеты.

Но такой, настоящей, еды не было, и Глеб волей-неволей хлебал пахнувший дымом и еще черт знает чем пшениный суп.

Через некоторое время, впрочем, Глеб уже ел во всю. Суп был вкусный, наваристый и такой густой, что в нем, не падая, свободно стояла ложка.

Снова заскрипели подводы — скрип-скрип, скрип-скрип... как ножом по сердцу.

Часа через три телеги подкатили к маленькой лесной речушке.

Вода в ней была темной, теплой и затхлой, как в старой кадлушке.

— Дальше везти не велено, — ни к кому не обращаясь, сказал возчик. — Болото.

Ну вот, только болота и не хватало!

Речку перешли вброд. Вытерли ноги, обнулись и пошли дальше.

Тайга на этой стороне как-то сразу поредела. Вместо прямых, как струна, сосен — корявые дуплистые березки и неприхотливые, неприглядные с виду осины.

Под ногами чавкала бурая стоячая вода, над головой зудела мошкара.

Шли гусем. Впереди Лука, за ним Сережка Ежиков, потом остальные.

Даже отдохнуть и то негде: поросшие осокой кочки, гнилая вода, липкая дегтярно-черная грязь.

Но вот, наконец, Лука выбрался на сухое. Поставил чемодан, оглянулся.

Один за другим подходили к привалу мальчишки и девчонки.

Дольше всех пришлось ждать Димку Кучерова.

Лука собрался было уже на поиски, но вдруг все услышали вдалеке нетвердые плюхающие шаги.

Не разбирая дороги, Димка брел по болоту и тяжело, будто его только что побили, охал и вздыхал.

От прежнего шикарного вида Димки не осталось и следа. Весь он с головы до пяток был перепачкан болотной грязью. Вдоль щеки тянулся багровый след. Наверно, Димка упал на какую-нибудь коряжину или расцарапался веткой боярышника.

Димка подошел к Луке, бросил на землю маленький чемоданчик с оленем на кожаной крышке и сказал:

— Л-лорды, я больше не могу. Мой организм требует пищи.

— Ты же ел! Чего же ты стонешь? — недовольно заметил Лука.

Но Димка, казалось, и не слышал этого упрека.

Он сел рядом со своим чемоданчиком и голосом, в котором слышались отчаяние и упрямая решимость, сказал:

— Если вы не дадите мне пищи, дальше я не пойду. Можете рыть могилу.

Трудно было понять, ломается Димка или он и в самом деле готов выкинуть какую-нибудь штучку.

Девушки пошептались и выдали голодающему немного колбасы и краюшку хлеба. Димка принял угощение.

Пожевал, вытер губы платочком и сказал:

— Л-лорды, глоток воды, и я готов продолжать тернистый путь.

Глеб с любопытством и тайным ехидством поглядывал то на Луку, то на Димку.

Лицо у Луки сначала побелело, потом вдруг сделалось красным, как свекла.

Кто-кто, а Глеб-то уж знал брата! Вот сейчас как стукнет Димку по шее!

Но побоища, на которое рассчитывал Глеб, не вышло.

Лука что-то зло и отрывисто шепнул Лорду на ухо, и тот, будто по команде, поднялся.

— Пошли, ребята, — тихо сказал Лука, — уже недалеко...

Глава четвертая

Всегда так бывает: ждешь чего-нибудь, ждешь, а потом и ждать перестанешь. Ну его, мол, совсем — все равно без толку. А оно, это самое, вдруг — раз, и покажется.

Так и тут.

Болото, которому, думалось, нет ни конца, ни края, кончилось, и невдалеке, ну, может быть, самое большее в полукилометре, сверкнула сквозь лесные заросли река.

Это и было то самое место, о котором говорил всю дорогу Лука.

Ну, конечно, то самое. Вот и косогор, заливаемый неярким вечерним закатом, и какие-то небольшие, засевшие меж деревьев, избушки.

Но это Глебу только вначале показалось, будто избушки.

На самом же деле это были вовсе и не избушки, а самые настоящие железнодорожные вагоны.

Про эти красные товарные вагоны Лука, между прочим, ничего не говорил.

Наверно, он и сам не знал и сейчас вместе со всеми удивлялся такому невиданному чуду.

Что же это такое, железная дорога?

Не похоже. На железной дороге вагоны стоят в ряд, а здесь как попало: один — тут, другой — там, а третий вообще вскарабкался на самую вершину косогора и смотрит оттуда вдаль красным, горящим на солнце окном.



Вначале шли по берегу реки.

От высоких глинистых круч на воду уже легла синяя густая тень. И только на шиверах — длинных каменистых отмелях — вскипали быстрые белые барашки.

Потом река свернула влево, и перед ними легла, будто пестрая скатерть, широкая ровная долина. Доцветали последним цветом жарки, задумчиво клонили к земле фиолетовые бутоны кукушкины сапожки, сверкали меж острожальных листьев кипенно-белые колокольцы.

Когда они взобрались на косогор, то увидели, что тут и в самом деле нет никакой железной дороги. А вагоны, которые Глеб принял вначале за избушки, стояли просто так — на голых шпалах или на кусках старых заржавелых рельсов.

Ну чем не деревня: на плоских крышах железные трубы, на окнах — занавески, а возле дверей — сосновые с крутыми перилами лесенки.

На одном таком вагоне Глеб увидел фанерную вывеску. Художник, видимо, старался изо всех сил, но немного не рассчитал. Вначале он писал крупными буквами, а потом начал мельчить и загибать надпись книзу. Но места все равно не хватило. Там, где надо, поместилось только «контор», а последняя буква притулилась кое-как в самом уголке.

На дверях «конторы» висел большой замок.

Судя по всему, не было никого и в других вагонах. Не скрипели двери, не слышалось разговоров. Тихо и глухо, как в сказочном, заколдованном волшебном царстве.

Вот это встреча!

Луку тоже смутил такой прием. Он оглянулся вокруг, пожал плечами и крикнул в чащу леса:

— Ого-го-го! Кто тут есть?

К Луке присоединились другие.

— Го-го-го-го! — понеслось по тайге. — Го-го-го-го!

И тут, тоже, как в сказке, вышел из чащи худой, морщинистый старик. На голове — кожаная потертая фуражка, на поясе — брезентовый, заляпанный глиной фартук, в руке — железный совочек-кельма.

Подошел, поздоровался и как-то уклончиво сказал:

— А мы вас тут ждали-переждались...

Но тут их, конечно, никто не ждал. Глеб это сразу понял. Ни этот старик, который налаживал в вагонах кирпичные печи, ни начальник Георгий Лукич, который еще вчера оседлал лошадь и уехал, неизвестно зачем, в тайгу.

В деревне на колёсах остались только этот старик Федосей Матвеевич и еще какая-то Варя, которая уплыла на лодке за хлебом в дальнюю деревню.

Как быть и что теперь делать с прибывшими, Федосей Матвеевич, по-видимому, не знал. Он виновато переминался с ноги на ногу и все убеждал Луку:

— Да ты что, паря? Ты, паря, не того... Мы сейчас тут с тобой все обустроим...

В конце концов Федосей Матвеевич догадался, что ребята устали, и повел их «обустраиваться» в вагоны.

Сначала отвели девушек, а потом начали присматривать жилье ребятам.

Последний вагон, куда они пришли, был разделен на две половины деревянной переборкой. В первой половине поселились Глеб, Лука и Сережка Ежиков, за стенкой облюбо-

вал себе место Димка Кучеров и еще двое незнакомых Глебу ребят из Проталин.

У Федосея Матвеевича была какая-то тайна. Он, видно, хотел рассказать ее Луке, ждал подходящего случая и никак не мог отважиться.

Но вот они остались в вагончике вчетвером. Федосей Матвеевич сел на кровать, помял в руках фуражку и спросил:

— Ты у них тут за главного?

— Нет... Какой я главный? Просто райком комсомола поручил.

Федосей Матвеевич вскинул на Луку серые, слинявшие от долгой жизни глаза, и сказал:

— Ну, раз поручил, так я тебе, паря, скажу. Ты только не обижайся. Лукой тебя кличут? Ну, вот... Тут, значит, такой гвоздь тормоза с нашим Георгием Лукичом случился...

Не торопясь, голосом строгим и чуть-чуть печальным, Федосей Матвеевич начал рассказ.

Оказывается, этот Георгий Лукич вообще не желал принимать их к себе.

Ну да, вчера он звонил по телефону и сказал своему начальнику:

— Детишек даете? Детский сад устраиваете? Без ножа режете!

Ну, в общем, и понес, и понес... До того разбушевался, что даже телефонной трубкой по столу сгоряча грохнул.

А телефон — щелк — и готово.

Георгий Лукич дует в трубку, кричит: «Алло! Алло!» Какое уже там «алло», когда у телефона все потроха поотлетели...

Лука выслушал и — ничего. Лицо совсем спокойное, только глаза потемнели.

— Мы, Федосей Матвеевич, все равно тут останемся, — решительно и с неожиданным упрямством сказал он.

— А я разве что? Я тоже это самое говорю. И разговоров быть не может! — Поспешно согласился Федосей Матвеевич. — Чем не работники, прямо я тебе дам! — А потом кивнул головой на переборку, из-за которой слышались разглагольствования Димки Кучерова, и повертел указательным пальцем возле виска. — А этот, который в галифе, он не того?

Лука улыбнулся.

— Нет, Федосей Матвеевич, «не того». Вам так показалось.

Эти слова Луки, видно, совсем успокоили старика. Он поднялся с кровати и еще дружественнее сказал:

— Ну, вы тут обустроивайтесь и приходите к конторе. Чай сварим или другу какую пищу. Варька, однако, хлеба приволокет.

Вскоре весь табор собрался возле «конторы».

Под огромным чугунным котлом уже трещал костер. Федосей Матвеевич вспорол ножом огромную банку сгущенного молока и опрокинул ее почти всю в кипящую воду.

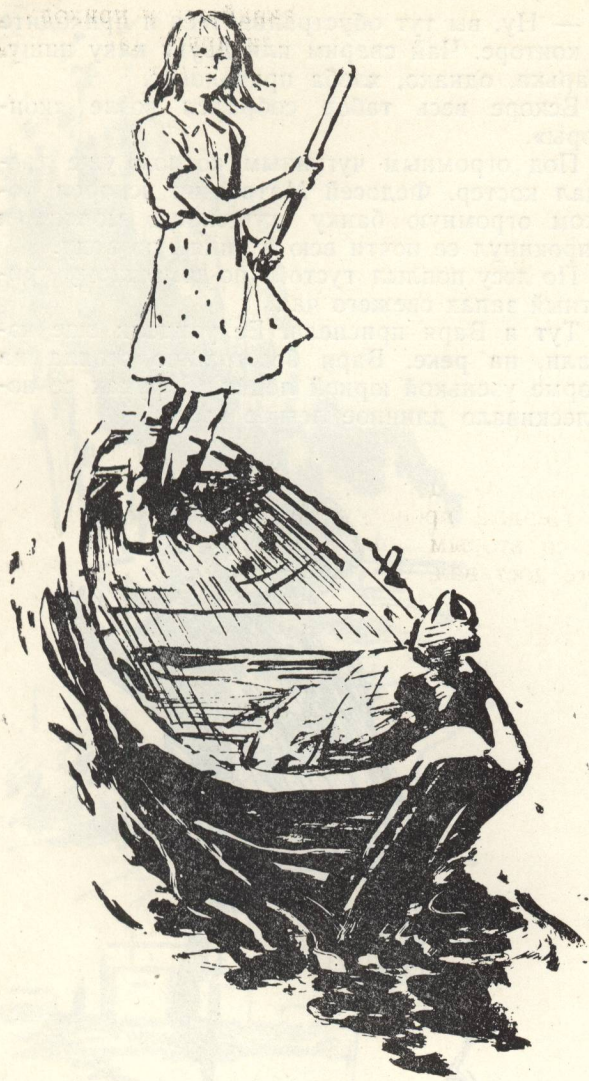
По лесу поплыл густой, по-домашнему приятный запах свежего чая.

Тут и Варя приспела. Ее увидели еще издали, на реке. Варя бесстрашно стояла на корме узенькой юркой лодки. В руках ее поблескивало длинное легкое весло.



Варя причалила к берегу, бросила цепь на корягу и, перекладывая тяжелый мешок с одного плеча на другое, пошла к кособору.

Дочь Георгия Лукича Варя по виду была одних лет с Глебом.



Волосы у Вари прямые и белые, как солома, лицо смуглое, а вся она какая-то задирстая и озорная.

Пришла, развернула мешок с хлебом на дощатом столе и сказала:

— Здравствуйте. Я вам хлеба принесла, — а потом отщипнула пальцами зажаренную краюшку и подала Глебу. — Попробуй. Вот какой вкусный!

Хлеб и в самом деле был хорош. Мягкий, душистый, еще сохранивший душевное печное тепло.

После чая десятиклассники затянули песню. К пригорюнившемуся Глебу подошла Варя и бесцеремонно дернула его за плечо.

— Ну что, — приехал?

Глупее вопроса и не придумаешь. Глеб хотел смолчать, но передумал.

— Ну да, приехал. Разве не видишь?

Варя села рядом и, заглядывая ему в лицо озорными смешливыми глазами, спросила:

— Федосей Матвеевич рассказывал про отца?

— Ничего он не рассказывал. А тебе зачем?

— Ну и врешь. Сама знаю, что рассказывал. — Помолчала, а потом хрюкнула под нос и добавила: — Это я телефонные провода пообрывала.

— Какие провода?

— А такие. Только стал отец в трубку кричать и детишками вас обзывать, я полезла на сосну и пообрывала.

— А откуда ты знаешь, что про нас это?

— Знаю. Отцу еще раньше бумага пришла. Там и про тебя тоже написано...

— Ну, это ты уже совсем врешь.

— Не, я не вру. Я даже помню.

Варя зажмурила глаза и будто по бумаге продекламировала:

«Окажите содействие тов. Бабкину Л. Е. в благоустройстве его малолетнего брата тов. Бабкина Г. Е.». А потом я тебя тут увидела и сразу догадалась, что это ты «тов. Бабкин Г. Е.».

Глебу стало очень приятно. И оттого, что о нем писали в какой-то бумаге и оттого, что Варя оборвала провода. Хоть и девчонка, а дружить с ней, кажется, все-таки можно. Не то что Колька Пухов.

— Ты мне pomoжешь провода починить? — Прервала Варя Глебово раздумье. — Я их потрогала, а они кусаются. Там электричество?

— Ну да, электричество... Лучше не надо чинить. А то он снова начнет по телефону...

Варя рассмеялась.

— Вот чудак! Он же совсем не страшный. Он только на вид сердитый, а так он добрый. Добрый! Лучше бы уж молчала. И так видно!

Они еще долго сидели в сторонке. Варя рассказывала про себя, а Глеб слушал и клевал носом.

Небо уже давно потемнело. Одна за другой зажигались в синей недоступной вышине звезды, а ребята все пели и пели...

Варя была совсем и не сирота, как вначале подумал Глеб. Мать ее сейчас лежала в больнице и обещала привезти оттуда мальчика или девочку. Но мальчика все-таки лучше... Варя начала объяснять, почему мальчик лучше девочки, а потом запуталась и смолкла. Видимо, и она уже хотела спать.

Глеб едва дотащился до своего вагона. Упал на кровать и в ту же минуту уснул.

Ночью Глеб проснулся и услышал на крыше тихий, вкрадчивый шорох. Шел дождь. Он то смолкал, будто к чему-то прислушивался, то вдруг снова начинал топотать по железу мелкими глухими шажками.

За окном, озаряя черную сумрачную реку и примолкшие нелюдимые боры, вспыхивали зарницы.

Разбуженные дождем, снова пришли и стали у изголовья прежние обиды и огорчения.

Глеб накрылся с головой одеялом и тихо, чтобы не услышал Лука, заплакал.

Глава пятая

Варя примчалась к вагону чуть свет. Стала перед окошком и кричит:

— Глеб, ты встал или ты не встал?

— Ну, несчастье! Поспать и то не дают...

От этого крика проснулись и Сережа Ежиков, и Лука. Зашевелились и за стенкой.

— Что же это такое, л-лорды? — послышался недовольный голос Димки Кучерова. — Если эта девчонка не замолчит, я напишу на нее анонимку.

А Варя не унималась.

— Глеб, ты встал или ты не встал?

Тут уж не до сна. Глеб оделся и вышел из вагона.

А на дворе почти ночь. В небе нехотя догорали последние звезды, на востоке чуть теплилась блеклая холодная заря.

— Чего так рано? — зевая, спросил Глеб.

— А я уже наспалась. Пошли провода чинить.

— Что их, днем нельзя починить?

— Не, Глеб, днем нельзя. Папа увидит, так он тебе даст провода. Он и так злой-презлой приехал.

— Ночью?

— Ага. Сначала я думала, это гром, а это он в дверь кулаками стучит. Я посмотрела на него и говорю: «Ты зачем такой надутый? Обрати будешь их выгонять?» А он говорит: «Это не твоё дело». А я говорю: «Раз не моё дело, так я уйду и рубашек тебе не буду стирать. Уйду к маме и буду там нянчить мальчика или девочку. А ты тут без меня пропадёшь».

— А он что?

— Ничего. Он знает, какая я отчаянная. Он говорит: «Если они будут хорошо работать, пускай работают, а нет, так я их сразу турну».

Хо-хо! Луку турнешь! Лука такой, что и сам кого хочешь может турнуть.

А вообще зря Глеб пообещал чинить телефон. Подумаешь, телефон ему исправляй! И без телефона проживет. Но теперь идти на попятную неудобно.

— Ладно уж, пошли, — неохотно сказал Глеб.

В «конторе» еще было тихо. Георгий Лукич, очевидно, спал.

— Вон-на, видишь? — Указала Варя на верхушку сосны.

Среди ветвей тускло белели две кафельные чашечки и болтались оборванные провода.

«Ну прямо кошка!» — подумал Глеб.

Лазать по деревьям Глебу не привыкать. Он снял сапоги, плюнул на ладони и начал карабкаться.

Пыхтел. Сопел. Даже выругался потихоньку. Но добрался.

Первый проводок он присоединил быстро, а со вторым пришлось повозиться. И рукой его доставал, и веткой — никак не достанешь.

— Оборвать и то как следует не смогла! — сердито сказал он Варе.

— Я как следует оборвала. Ты не можешь, так не берись.

Но все-таки Глеб зацепил сучком второй провод, присоединил его и спустился на землю.

Спать после такой зарядки совсем расхотелось.

Постояли с Варей, подумали и побрели по тайге.

— Ты расскажи что-нибудь, — попросила Варя. — Я люблю, когда рассказывают.

А что рассказывать? Там, где еще недавно жил Глеб, была тайга, и тут тайга. И в жизни у него пока ничего такого не случилось.

Вот разве про море и про Никополь...

Сначала Глеб рассказал Варе про море, про корабли, на которых можно каждый день совершать героические подвиги, а потом начал про Никополь и про то, какие там растут сладкие расчудесные вишни.

Варя слушала очень внимательно, не перебивая. Глаза ее вдруг стали какие-то строгие, задумчивые. Совсем не такие, как раньше.

Она долго шла молча, а потом остановилась, виновато посмотрела на Глеба и причмокнула губами.

— Ты чего? — удивился Глеб.

Варя помедлила и очень тихо сказала:

— Вишен охота...

Глебу от этого признания стало как-то совсем скучно.

Там море, там героические подвиги, а тут что? Тут совсем ничего. Только тайга и этот Георгий Лукич, который ждет не дожидается, чтобы выгнать их всех в шею.

— А ты бы поехала к морю насовсем? — спросил Глеб.

Варя подумала и отрицательно мотнула головой.

— Не, Глеб, не поехала.

— Почему? — удивился Глеб.

— Не, я никуда не поеду, — еще решительнее сказала Варя. — Я сибирячка.

— Ну и что ж, что сибирячка?

— Ничего. Тут вот у нас как, а там не так...

— Хо-хо, а ты там была?

— Не. Я и так знаю. Там все равно не так. Не видела ничего, а болтает. Так бы и треснул ее по затылку!



Глеб и Варя шли, шли и совсем не заметили, как подошли к «конторе».

Возле вагона стоял Варин отец и внимательно смотрел на них.

Высокий, широкоплечий, в старой, уже потертой железнодорожной форме. Голова у него была совсем седая, а брови густые и черные.

— Здравсте, — сказал он Глебу. — Работать приехали?

В голосе его, густом и ровном, Глеб без труда уловил злые и насмешливые нотки.

Подумаешь, «здравсте»! Если так, он вообще не желает разговаривать с ним. Очень он нужен! Глеб отвернулся и стал смотреть в сторону.

— Ты, папа, чего на него так? Ты так не надо... — сказала Варя. — Это Бабкин Глеб.

— Ах, Бабкин! Ну, тогда понятно...

— Тебе, папа, ничего не понятно. Тот Бабкин Лука, а этот Бабкин Глеб. Про него и в бумаге было написано. — И точно так же, как вчера, Варя зажмурила глаза и нараспев прочла: — «Окажите содействие тов. Бабкину Л. Е. в благоустройстве его малолетнего брата тов. Бабкина Г. Е.». Понимаешь, это Бабкин Г. Е., а Бабкин Л. Е. — это другой...

— Ага, понимаю... Значит, ты — «тов. Бабкин Г. Е.»?

— Я Глеб Бабкин, — угрюмо сказал Глеб, — а мой брат — Лука. Вам кто нужен?

Брови у Георгия Лукича шевельнулись, и лицо будто бы стало не такое хмурое, как раньше.

— Ого! Да ты, кажется, с характером? Ну, тогда вот что... Тогда крой к своим и зови сюда товарища Бабкина Л. Е. Только живо! Глеб только этого и ждал.

Глеб встретил Луку на дороге. Лука шел быстрым легким шагом, помахивая правой рукой. Левую, забинтованную, Лука держал в кармане. Наверное, он не хотел, чтобы эти бинты увидел Георгий Лукич.

За Лукой с шумом и гамом валили остальные ребята. Видно, никто даже и не предполагал, какая их ждет встреча.

Сейчас там будет спектакль!

Лично Глеб на этот спектакль решил не ходить. Он вообще не желал больше показываться на глаза Георгию Лукичу.

Глеб пришел в вагон и увидел на столике три больших розовых пряника и кусок твердой копченой колбасы.

Записки никакой не было, но Глеб понял, что вся эта барская еда для него.

Глеб в одну минуту проглотил пряники и колбасу, погладил себя по животу и поду-

мал: если бы еще два таких пряника и один такой кусок колбасы, вот это было бы да!

Он пошарил в чемодане Луки, но больше там ничего съестного не нашел.

Делать было совсем нечего.

Глеб сел на кровать и стал загадывать — выгонит их отсюда Георгий Лукич или не выгонит.

Зажмурил глаза и подводит один к одному указательные пальцы. Если пальцы столкнутся — выгонит; не столкнутся — останутся тут.

Пальцы как назло не сталкивались, а расходились куда попало. Глеб приоткрыл немножко глаза. Посмотрел в узенькую щелочку между веками и столкнул пальцы ноготь к ногтю. И один раз, и второй, и третий.

За этим глупым занятием и застала его Варя.

— Ты что тут делаешь? — спросила она, подозрительно поглядывая на Глеба.

— Ничего не делаю. Просто так... — сказал Глеб и сразу же перевел разговор на другое. — Ну, как там, была драка?

— Не. Там не драка. Там еще хуже драки! — Ну?

— Там перессорились все. Сначала было ничего, а потом этот Димка Кучеров...

— Хо-хо, что он там отмочил?

— Он папу лордом назвал. Папа поздоровался со всеми и сказал: «Вы приехали сюда работать, так знайте, что тут у нас очень трудно, и кто трудностей боится, тот пускай выйдет и честно скажет: «Я трудностей боюсь и работать тут не буду». Все стоят и слушают, а Димка наклонился к Сереже Ежикову, к этому, который вместе с вами в вагоне живет, и сказал: «Чего этот лорд привязался к нам?» Он думал, что сказал тихо, а папа все равно услышал. Папа рассердился и сказал: «Так, значит, я тебе лорд, сопляк ты паршивый! Забирай свои штаны-галифе и крой отсюда, чтобы и духу твоего не было». А Димка говорит: «Мне штаны забирать нечего, я штаны на себя надел, а лордом я назвал вас в шутку». Ну, папа тут совсем разозлился: «Вы, — говорит, — шутить сюда приехали! Я, — говорит, — так и знал, что от вас толку не будет!» А тут Лука ваш... слушал, слушал, а потом вспыхнет, как спичка: «Если, — говорит, — один глупость сказал, так на всех сваливать нечего. Мы комсомольцы и мы трудностей не боимся, а Димку мы сами проработаем». А папа говорит: «Мне ваши проработки не нужны, мне работа нужна. А лордом я никогда не был. Я во время революции лордов этих вонючих сам своими руками

уничтожал». Теперь у них все сначала пошло.

— Снова ругаются?

— Не. Они сейчас деревья пилят.

Варя украдкой посмотрела на дверь, будто бы там кто-нибудь мог стоять и подслушивать, и тихо добавила:

— У него вся марля намочла, а он все равно рубит. Я посмотрела и аж страшно стало...

Из-за окна долетал прерывистый, несладкий стук топоров и визг поперечных пил.

Где-то там, стиснув зубы от боли, размахивал тяжелым неуклюжим топором и Лука.



Глебу вдруг стало очень жаль брата. Так же, как раньше, когда еще не было между ними ссоры. Бедный, хороший Лучок...

Глава шестая

Глебу захотелось сделать что-нибудь хорошее для Луки. Пускай не думает, что он такой... Пускай узнает!

Только что сделать?

Тут надо не пустяк, не чепуху. Тут надо сделать такое, чтобы все сказали: «Вот это Глеб, так Глеб! Теперь и мы видим!»

Лучше всего — это пойти к начальнику, с которым Георгий Лукич разговаривал по телефону.

Прийти и сказать:

— Товарищ начальник. Я не сплетник и не доносчик. Если вы мне не верите, так можете спросить, кого хотите. Даже Кольку Пухова. Он хоть и заколотил гвоздь в нашу стену, но он все равно скажет.

Начальник посадит Глеба в кресло, погладит по голове:

— Бабкин Глеб. Я и так, по лицу вижу, какой ты человек. Мне не нужен Колька Пухов. Не волнуйся и рассказывай.

— Не волнуйся! А если я не могу? А если у меня в середине все кипит?

— Бабкин Глеб, почему у тебя в середине все кипит?

— Почему кипит? Кипит потому, что ваш Георгий Лукич узурпатор. Теперь понятно?

Начальник даже подскочит от удивления.

— Не может быть! Я Георгия Лукича хорошо знаю. Хоть зарежь, не поверю!



— Так вы, говорите, знаете? Ну, так тогда слушайте...

И тут Глеб возьмет и расскажет ему про все.

Начальник выслушает и станет чернее черной тучи.

— Да, Бабкин Глеб, теперь мне все понятно, — скажет он. — Я ему задам перцу, этому Георгию Лукичу...

«Да, хорошо бы так сделать, — подумал Глеб. — Только как это сделать?»

Во-первых, где искать этого начальника, а во-вторых, кто его знает, как этот начальник встретит.

Выслушает, а потом спросит:

— Подожди, подожди, а ты кто такой? Это ты тот самый капиталист, который не хотел ехать на стройку? А ну, катись отсюда, чтобы и духу твоего тут не было!

Нет, лучше к начальнику не ходить. Лучше придумать что-нибудь другое.

Глеб наморщил лоб и стал думать.

Но думать долго Глеб не умел. А если и думал, так обязательно придумывал какую-нибудь чепуху.

От такого непривычного и нудного дела у Глеба даже разболелась голова и вспотела спина, как будто бы он не думал, а рубил дрова.

А еще вдобавок ко всему захотелось есть.

Дома когда захотел, тогда и ешь. Котелок всегда на плитке. А тут не то: когда еще позвонят!

Глеб с трудом дотянул до обеда. Прямотаки измучился весь.

После обеда ребята вместе с Георгием Лукичом ушли рубить деревья, а Глеб и Варя остались возле «конторы» и начали от нечего делать резаться в «козла».

Не успели они сыграть и одной партии, как в вагоне вдруг зазвонил телефон.

— Не ходи, — сказал Глеб. — Пускай звонит.

Варя выставила дупель шесть, обрадовалась, что избавилась от этой карты, и сразу же согласилась.

— Если надо, так еще позвонят. Ты ходи, ты чего не ходишь?

За дуплем шесть Варя выставила «пустышку», а потом почти сразу дупель три. И это тоже было очень хорошо, потому что игра с дуплями, какая же это игра!

Тут телефон снова зазвонил. Еще сильнее, чем раньше.

— Ты не ходи, — сказал Глеб. — Пускай звонит. Если третий раз зазвонит, тогда пойдешь.

Прошло минуты две, и в вагоне снова затрещало. Резко, требовательно, словно на пожар вызывали. Варя собрала в горсть косточки домино, чтобы Глеб не подсмотрел, что у нее там осталось, и не торопясь пошла в «контору».

«Але! — услышал Глеб. — Вы чего так кричите? Вы так не кричите! У меня и так в ухе пищит. Ну да, это я... а его нету... постоит, я сейчас запишу».

Глеб подождал еще немного Варю, а потом и сам пошел в «контору».

Справа в «конторе» стояла кровать Георгия Лукича, слева — Варина, а посередине — белый дощатый стол.

Варя сидела за столом с телефонной трубкой возле уха и, чуть высунув красный острый кончик языка, что-то прилежно писала.

— Але! Вы чего так быстро спешите? Я не могу так быстро писать.

Глеб подошел ближе и стал смотреть, что Варя пишет.

Варя писала неторопливо, с нажимом, как будто бы контрольную работу.

Глеб прочел и ничего не понял. Как шарада или кроссворд. Первые буквы есть, а остальных нету.

— Это что ты написала? — спросил Глеб, когда Варя, наконец, закончила и промокнула бумагу розовой промокашкой.

— Это я сокращенно написала, — сказала Варя. — Если писать все, так я все равно не успею. Я быстро писать не могу, от этого черк портится.

— Ты же забудешь все!

— Не. Сейчас про какую-то Зиночку спрашивают. Она куда-то сбежала, а ее ищут.

— Вот это новость! Это же про Зину-Зинулю спрашивают. Это она сбежала.

И точно. Так оно и было: про Зину-Зинулю. Спрашивали про Зинулю Алушкину. Это Глеб сразу понял.

Глеб попросил Варю прочитать «кроссворд», и та прочла: «Ушла к вам без разрешения Зиночка Алушкина тчк. Если не возвратите, будут крупные неприятности».

Варя ничуть не удивилась, когда Глеб рассказал ей про Зинулю и про Алушкина.

— Я тоже убежала бы, — сказала она. — Только мне бегать нечего. Меня отец слушается.

Глеб рассказал Варе все, что знал, даже про козла Фильку и про то, что Лука сохнет по Зине-Зинуле.

— По мне тоже один мальчишка сохнул, — сообщила Варя. — Еще в третьем классе. А потом я треснула его линейкой по лбу, он и перестал.

Они снова начали говорить про Зину-Зинулю. Раз телеграмма пришла сюда, значит, Зинуля убежала сюда. Убегать ей больше некуда.

Все это, конечно, было так. Но почему Зинули до сих пор нет? Заблудилась?

Конечно, заблудилась! Глеб это первый понял.

А когда он понял, то хлопнул себя по лбу и сам себе сказал:

«Вот это здорово, так здорово!»

Дело в том, что Глебу пришла в голову гениальная мысль: пойти в тайгу, разыскать там заблудившуюся Зину-Зинулю и привести ее сюда.

А что, разве не здорово?

Варе такой план тоже понравился, и она тоже сказала, что это здорово.

— Давай сейчас и пойдем, — сказала она. — Я напишу папе письмо, и пойдем.

Варя вырвала из тетрадки новый листок, склонила голову и, высунув почти наполовину язык, начала скрипеть пером.

«Дорогой папа!

Мы с Глебом ушли к маме. Мы ушли не насовсем. Ты не бойся. Бояться нечего.

До свидания.

Твоя дочь Варя».

Глава седьмая

Лодку, на которой плыли Глеб и Варя, специально сделали для того, чтобы она перевертывалась.

Как чуть что, сразу черпает воду бортом. Даже кашлянуть как следует и то нельзя. Просто — не дыши.

А Глеб как раз плохо плавал. Разве в Зеленухе научишься? Зеленуху вброд и воробей переходит!

Варя с первой же минуты начала всем командовать.

Глеб говорит: «Пойдем пешком», а Варя уперлась и ни в какую: «Поплывем на лодке. Я люблю на лодке плавать».

В лесном поселке Глебом никто не командовал. Только скажешь Кольке Пухову: «А ну, цыц!» — он и молчит.

А тут — на тебе! Делай только то, что ей нравится.

Лодка шла у самого берега. На середине с гулом перекачивалась на шиверах быстрая, ключевой чистоты вода.

Варя с трудом выгребала против течения. Синяя в белый горошек кофточка ее прилипла к плечам, на лбу светились мелкие белые капли.

Но Варя не признавалась, что ей уже не вмоготу.

Мимоходом вытерла рукавом потный лоб, посмотрела на Глеба злыми глазами и сказала:

— Ты, Глеб, смотри, как надо грести. Ты не опускай весла глубоко. Ты поверху греби.

А Глеб смотрит на нее и молчит.

Когда в лодку сажались, так весло прямо из рук вырвала, а теперь вот как, теперь вот каким голосом поет...

В конце концов Варя поняла, что хитростью тут ничего не сделаешь. Подчаладила к берегу, чтобы лодку не унесло течением, и сказала: — Ты чего так сидишь? Ты так не сиди. Бери весло!

Ну вот, так бы давно... Хвастунья!

Глеб взял весло и начал грести.

Лодка вильнула вправо, вильнула влево, повертелась, а потом вдруг пошла до того ровно и быстро, что Варя даже вздохнула от огорчения и зависти.

В душе Глеба все пело и танцевало. Первый раз в жизни взял весло — и вот как! Чего не сделает настоящий мужчина, если захочет...

Лодка плыла все вперед и вперед.

Исчезли, будто никогда их и не было, высокие глинистые берега. Река стала шире, спокойнее. Вдоль плесов, отражаясь в тихой воде, тянулись одна за другой белые застенчивые березки, приосанившись, глядели свысока в зеркальную гладь медноствольные сосны.

Варя сидела на носу лодки задумчивая, грустная. И Глебу тоже неизвестно отчего стало вдруг грустно. Так бы плыл и плыл по этой лесной реке. Плыл и молчал...

Но плыть без конца и молчать опасно. Так и в самом деле уплывешь на самый конец света.

Глеб поглядел вокруг, подумал и погнал лодку к берегу.

Они привязали лодку к толстому черному корню сосны, осмотрелись по сторонам.

Глеб сразу же узнал эти места. Вот полянка, на которой он переобувал сапоги, вон и береза с тремя белыми тонкими стволами, а вон и едва заметная охотничья тропа, по которой они шли вчера.

Глеб уверенно вел Варю по тайге: там повернет направо, там налево. Кинет глазом по сторонам и снова идет и идет.

Варя, конечно, поняла, что это за человек Глеб. То хвасталась, покрикивала на него, а то вдруг притихла.

Хо-хо, «отчаянная»! Она еще узнает, кто отчаянный, а кто не отчаянный. На словах и Колька Пухов отчаянный.

Все шло как по маслу. Свежая, проложенная этим летом охотничья тропа вела вперед лучше компаса.

Еще немного, еще чуть-чуть, и на тропе этой вдруг покажется в своем белом платье Зина-Зинуля.

— О, как я благодарна вам, мои отважные спасители! Особенно тебе, Глеб.

Да, так бы оно, наверно, и было. Но тут Глеб сам виноват. Замечтался, зазевался и

сбился с пути. Начал кружить по тайге, как легавая, которая потеряла след зайца.

Кружил, кружил и выкружил, наконец, к болоту.

Но это было совсем не то болото, по которому они шли вчера. Ни следов, ни помятых камышей.

Где-то недалеко крикали утки. Значит, там, меж этих высоких зарослей, была глубокая чистая вода.

Глеб начал приглядываться к этим незнакомым местам и размышлять — повернуть вправо или, может, наоборот — влево...

Но тут к Глебу подошла Варя и дернула его за рукав.

— Глеб, ты зачем сюда привел? Ты заблудился?

Глебу надо было не горячиться, подумать как следует, а он разозлился и ни с того, ни с сего полез в болото.

Зачавкала жидкая грязь. Почуввав недоброе, из камышей вспорхнула и стремительно понеслась прочь стая уток.

Дальше, в самом деле, была вода. Сначала по колено, потом по пояс... Но даже и это не остановило Глеба. Если бы тут был океан, так он бросился бы и в океан.

Шаг за шагом пробирался вперед Глеб по илистому вязкому дну. Вслед за ним тянулся длинный черный хвост болотной грязи.

Варя покорно шла сзади. По лицу ее — усталому и грустному — было видно, что она уже ни капельки не верит Глебу и идет просто так, лишь бы идти.

Болото, к счастью, попало небольшое.

Глеб вылез на берег, отряхнулся и тотчас же увидел на холмике небольшой недавно накошенный стог сена.

Стог этот, очевидно, сложил лесной объездчик.

Ну да, так и есть. Вот и следы подков — четкие, свежие. По этим следам хоть на край света иди, не собьешься.

Варя тоже обрадовалась стогу, будто живому человеку.

Она сразу повеселела. Развязала заплечную котомку и вытащила из нее краюху хлеба с черной отставшей от мякиша коркой.

Хлеб намок, но вкуса своего, конечно, не потерял. Не надо ни колбасы, ни печатных пряников.

Поели, попили, а потом стали вслух размышлять — идти дальше или заночевать в этом стогу.

Где еще найдешь такую мягкую теплую постель?



Идти дальше не хотелось ни Глебу, ни Варя. Во-первых, устали, во-вторых, промокли, а в-третьих, поздно.

Глеб разобрал верхушку стога и вымостил там большое удобное гнездо.

Как в иркутской гостинице, где они ночевали с Лукой. Только нет настольной лампочки и телефона.

Варя взобралась на стог. Глеб набросал сверху гору сена, обошел вокруг и полез под теплое колючее одеяло.

Улегся, растолкал над головой сено, чтобы не лезло в глаза, и спросил Варю:

— Ну как, хорошо?

— Ага, как на печке.

Тут и правда было хорошо. Крепко пахло сухой мятой, цветами, и, как показалось Глебу, теплым лесным солнцем.

Глеб думал, что сразу же уснет, но сон почему-то не шел к нему. Может быть, потому, что Варя все время ворочалась и толкала его локтями прямо в лицо.

И вообще зря он затеял эту историю...

Разве ее найдешь, Зину-Зинулю?

Они ее ищут тут, а она, может быть, вон где...

И Зинулю не найдешь, и сам ни за что, ни про что попадешь в беду. Ну да, разве долго!

Глебу одна за другой начали вспоминаться таежные бывальщины. Много наслушался их в лесном поселке.

Сдадут охотники шкурки Алушкину, купят в лавке свежего табаку и давай рассказывать кто про что.

Но больше всего про тайгу, про свое не-легкое, а порой и опасное ремесло.

Глеб давно заметил: охотники рассказывают эти истории по-разному.

Про смелых и решительных, каким был и его отец, говорили с уважением и даже с завистью. Про людей же пустых и легкомысленных — с небрежной и злой усмешкой.

Да, вот так и с ними будет...

Соберутся охотники в кружок, закурат, а кто-нибудь и скажет:

— А все-таки дурак был этот Глеб Бабкин. Ему бы взять эту телеграмму, которую по телефону записали, и отдать Георгию Лукичу. Самое верное дело. Он бы уже придумал, как Зину-Зинулю разыскать.

И все с ним согласятся:

— Конечно, дурак. От него никогда пользы не было.

Глеб понимал, что все это, действительно, так. Но сейчас уже ничего поправить и изменить было нельзя...

Глава восьмая

Утром Варя вылезла из стога взъерошенная, будто ворона, которая только что подралась с воробьями. Вытащила на ощупь из волос огромную лохматую колючку и очень недовольно, не глядя на Глеба, сказала:

— Я думала, ты все понимаешь, а ты, оказывается, ничего не понимаешь. Я сама везде ходила. Я сама нигде не заблужусь, а с тобой раз пошла и заблудилась.

Глеб не остался в долгу и тут же попытался свалить всю вину на Варю и вообще разъяснить ей, какой он есть на самом деле.

— Хо-хо, не заблудилась! А я, думаешь, заблудился? Если хочешь знать, так я еще и не в такие походы ходил.

Тут Глеб начал бессовестно врать про походы, в которые он ходил с Колькой Пуховым.

Такие походы некоторым девчонкам и во сне не снились.

Во-первых, они выкурили из норы лису-огневку, во-вторых, поймали голыми руками вот такого зайца-русака, в-третьих, приручили настоящего волчонка.

— Он и сейчас живет в лесном поселке, — сказал Глеб. — Только он сейчас большой и сидит на цепи.

Варя слушала с любопытством и с той особой снисходительной улыбкой, с которой слушают охотников-врунов.

Без Глеба Варя наверняка бы пропала.

Глеб хоть и заблудился, но уже сообразил, что надо делать и куда теперь идти.

Расчет у него был очень простой и точный.

Идти по следам к дому объездчика, поест там, расспросить про дорогу и шагать домой. Зину-Зинулю все равно не найдешь.

Глеб даже знал, чем будет кормить объездчик.

Раз он косил сено, значит, у него есть корова, а если есть корова, то само собой понятно, что есть и молоко. Холодное, густое, с коричневой, подгорелой в печи корочкой.

Варя охотно согласилась с планом Глеба. Бросила через плечо пустую котомку и без колебаний пошла за ним.

(Продолжение следует)



**В ленинградские широты
Не заходят бегемоты.
Как же этот бегемот
Тут почему-то плавает в Неве**

Стихи Нескладушкина



у Петропавловской крепости?

НА РАЗВЕДКУ ПЛАНЕТ

Б. Ляпунов

Рисунок А. Скалозубова

Три красноезвездных ракеты; одна стала спутником Солнца, вторая попала на Луну, третья обогнула ее. А четвертая? Пятая? Десятая?

Перенесемся в будущее.

На миллионах телевизионных экранов миллионы людей наблюдают последние приготовления к отлету.

Сначала зрелище, будничное для конца двадцатого века: внеземная станция и «пристройки» вокруг, небесный остров, хорошо знакомый жителям Земли. Черная мгла, густо посыпанная звездной пылью. Связные ракетки снуют, словно выброшенные из пушки снаряды. На мгновение через застекленные стенки кабины становится виден человек в шлеме. Это спешит к причалу монтажник-пустолаз.

Телекамера поворачивается. И на экране возникает гигантская конструкция из металла, со стеклянными вкраплениями, похожими на глаза металлического чудовища. Загораются сигнальные огни. При их свете можно рассмотреть космический корабль.

Маленькая шарообразная головка впереди. Это не кабина: в ней не поместился бы с удобствами и один человек, не говоря уж о нужных ему припасах. Не видно окон, нет люка. Несоразмерно крошечным кажется шарик по сравнению с громадой металлической

конструкции позади него. Но именно он — исполнитель приказов человека, без него корабль — слепой кусок металла.

Стенки шара изготовлены из самых прочных сплавов, какие смогла создать техника. Они — тройные, с прослойками внутри. Наружная встретит удар метеорита. Если она не задержит его, не поглотит энергию удара, приборы защитит вторая. Третья тоже достаточно крепка, чтобы отразить атаку космического снаряда. А если метеор слишком крупен, — у шара, на крайний случай, есть двойник — точно такой же шар, помещенный в средней части корабля. Он возьмет управление ракетой на себя.

Слово «ракета» сказано здесь лишь по привычке. Переплетение ажурных ферм, труб, странные на вид аппараты, местами скрытые броней, вынесенные наружу объективы кино- и телекамер... Веера из полупроводниковых элементов то тут, то там прилепились к остову, сплетенному из металлических кружев. В отдельном бронированном отсеке — резервный склад энергии: в сверхпроводниковых аккумуляторах при наинизшей температуре циркулирует запасенный ток.

Запас горючего не обременит ракету. Ее движет направленный поток элементарных частиц, разгоняемых электромагнитными силами. В каждом

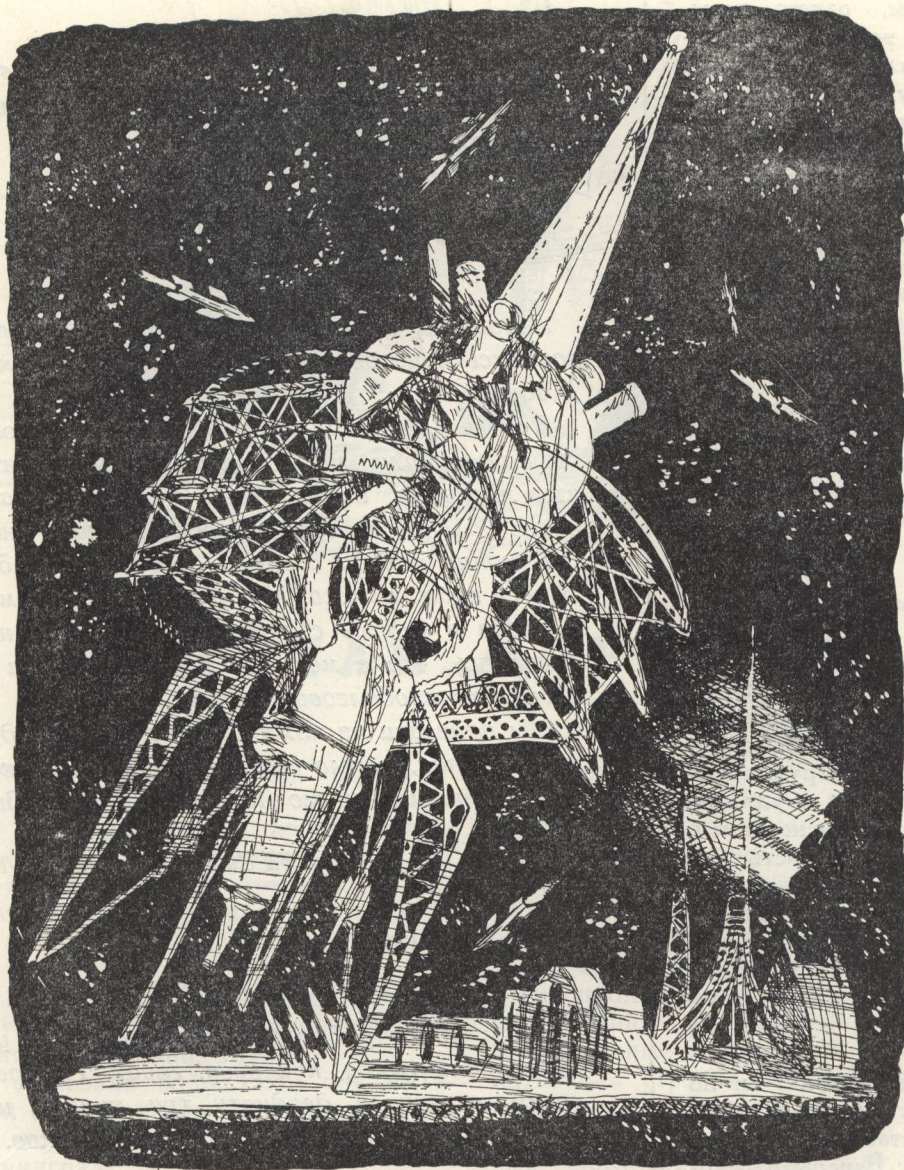
грамме любого вещества, в каждом атоме — неисчислимое множество таких частичек. И хотя масса их крайне мала, хотя тяга получается тоже малой, — в безвоздушном пространстве ее хватит. Корабль разгонится постепенно, пока не достигнет заданной крейсерской скорости: она чуть-чуть меньше световой.

Проба... Слабо окрашенная фиолетовая струя, словно обесцвеченный язык пламени, вырывается из цилиндрического тела двигателя. Тотчас приходит в движение сам корабль. Ракеты-тягачи подтягивают его обратно, «к причалу».

Последняя проверка автоматики и приборов.

Приборы — глаза ученых. С их помощью человек, еще не покидая Землю, сумел много узнать о преддверии Космоса. Приборы на ракете первыми облетели Луну. Теперь наступает очередь планет. На разведку трасс будущих полетов опять отправится целая лаборатория.

Сигналы, записанные на магнитную ленту условным кодом, запечатлеют полную картину небывалого рейса. Колонки цифр расскажут ученым, что творится вдалеке от Земли, в тех областях мирового пространства, где никогда еще не бывал человек. Они доложат о том, что представляют собой другие планеты, — корабль на время превратится в спутника каждой из



них. Больше того: на ленту запишут и изображения соседних небесных миров. Астронавты получат неоценимые материалы для будущих межпланетных путешествий.

Но как получить обратно бесценную ленту? Вдруг случится непредвиденное, и ракета затеряется в бескрайних небесных просторах? Записи пропадут безвозвратно? Этого нельзя допустить! На корабле уста-

новлен радиомаяк-ответчик, защищенный прочной броней, со своей независимой аккумуляторной батареей. Получив «запрос», он немедленно даст ответный сигнал: «Я здесь!» А соединенный с ним прибор тотчас передаст, в каком направлении и с какой скоростью летит ракета.

Однако, допустим, радиомаяк тоже замолчал. Авария неустранима: кончился топлив-

ный запас, даже электронный мозг вышел из строя. Тогда включится еще один автомат. Отделится от гибнущей ракеты бронированная камера с драгоценной лентой. У камеры есть свой собственный миниатюрный двигатель, световое сигнальное устройство. Автоматическому рулевому заранее задана конечная цель: выйти на орбиту, проходящую недалеко от Земли. Приблизившись к

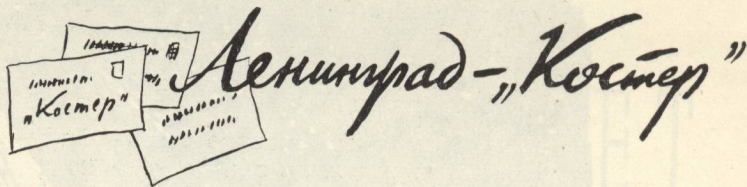
родным местам, ракета посылает по радио вести о себе, зажигает сигнальные фонари. Поймать ее уже не составит большого труда.

Но пусть не будет так. Пусть весь корабль вернется целым и невредимым.

...Гаснут огни. Две ракеты буксируют громадину к месту старта. Огненные факелы их двигателей вырывают из тьмы то одну, то другую часть гиганта, готового в дальний путь. Сделав свое дело, тягачи возвращаются назад: вблизи потока разогнанных частиц находиться опасно. Управление переходит на центральный пост, в помещение внеземной станции.

Вспыхнул мощный прожектор. Кажется, не бесстрастный метроном, а взволнованное сердце гулко отсчитывает секунды. Вдруг фиолетовая и уже не бледная, призрачная, а ослепительно яркая струя вырастает сзади корабля и удлиняется с каждым мгновением. Плавно набирая скорость, ракета исчезает с экрана телевизоров... чтобы появиться на локаторных экранах, а затем, когда вспыхнут на ней светящиеся метки, — в поле зрения телескопов. Корабль ушел — на долгие годы.

Управляемый спутник, он по очереди будет принадлежать разным планетам. Он будет кружить вокруг Венеры и Марса, Юпитера и Меркурия. Несколько раз успеет Земля пробежать свою орбиту, год за годом сменяя друг друга. И вот астрономы снова заметят яркую звездочку, плывущую среди звезд. Радисты поймут долгожданные позывные. Навстречу помчится ракетный буксир. И путешественник вновь окажется у внеземной станции — там, откуда начинался его путь. А штурм Космоса будет продолжаться. По разведанным трассам полетят другие корабли.



Летом мы ходили на шлюпках по Днепру. Готовились к походу долго, учились грести на речке Ждановке.

По Днепру мы шли целый месяц. На одной из стоянок нашли гнездо синицы-ремез. Интересно, что материал, из которого оно свито, находится очень далеко от места, где мы отыскивали гнездо.

В конце похода сделали остановку на два дня. В лесу поймали ужа. Мы положили его в мешочек, а когда в Одессе стали разбирать свои находки, оказалось, что в мешочке не один, а два ужа и несколько продолговатых яиц.

Мы привезли из похода коллекцию гнезд, гербарии, черепах, чучела рыб. Теперь в нашем кабинете естествознания много интересных наглядных пособий.

Ира Сивова, 78-я школа, Ленинград

Дорогая редакция!

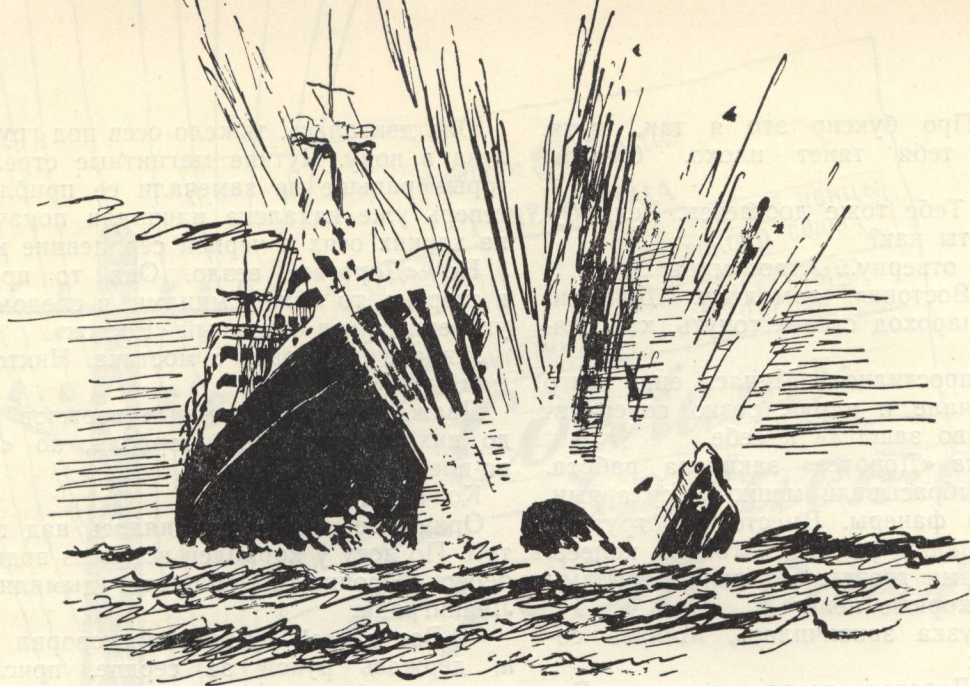
Наш класс работал на пришкольном участке. Мы положили тыкву, кукурузу, горох. Тамара Захаренко вырастила двадцать три курицы и сдала в совхоз. А я выкормил двадцать кроликов.

Вова Пастухов, Алтайский край, Чарышский район, совхоз „Красный партизан“

Однажды в марте я шел через лес в соседнюю деревню. Вдруг впереди, в кустах, поднялась снежная пыль, и в ту же минуту на тропку выскочили дикие козы. Как я пожалел, что не было фотоаппарата! Дикие козы очень красивые, бегают быстро.

В наших местах они бывают ранней весной, а потом уходят в другие края.

Юра. Иванюшкин, Новосибирская область, Куйбышевский район, Калининский с/с, с. Кама



КАПИТАН „ДОРОТЕЯ“

С. Сахарнов

Рисунки Л. Коростышевского

Капитан Минаев был угрюмый старик.

Другим капитанам везло. Они служили на сверкающих краской и медью паровых гигантах. Командовали дизель-электроходами. Пересекали ледяные просторы Арктики.

Минаев всю жизнь проплавал на старом маленьком пароходике со смешным названием «Доротея».

Пароходик ходил по заливу между Ленинградом и Кронштадтом и был кривоносый, с тонкой, как макаронина, трубой.

А теперь бушевала война. Это она вытаскила старый пароходик из залива, заставила его дважды пересечь море и нынче гнала обратно, в Ленинград.

Корабли отступали. Они шли, как усталые солдаты, цепочкой, один за другим.

Самым большим среди кораблей был «Восток». Он вез раненых. В его каютах и трюмах, одна на другой стояли желтые больничные койки, а на обоих бортах тревожно алели санитарные кресты.

Самой маленькой среди кораблей была «Доротея». Грузенная сухарями, пробкой и листовой фанерой, она следовала неподалеку от плавучего госпиталя, то и дело отставая от него.

— Эй! — кричал с мостика капитан «Востока». — Что плететесь? Взять на буксир?

— Обойдемся! — бурчал Минаев и в который раз принимался ругать механика и кочегаров.

Он понимал: этот рейс последний. В Ленинграде «Доротею» ждал причал для идущих на слом кораблей, а его — больница. Сердце уже никуда не годилось.

«Для этой войны мы оба слишком стары! — часто думал он. — И пароход и я... Тяжело, одни мины чего стоят!»

Да, хуже всего были мины.

Немецкие самолеты забросали ими все море. Мины лежали на дне — молчаливые черно-зеленые снаряды. В каждой пряталась магнитная стрелка. Стоило железной громадине парохода пройти над миной, как стрелка поворачивалась, включала ток, и оглушительный взрыв раскалывал воду. Чем тяжелее корпус, чем больше железа в трюмах, — тем скорее взлетал корабль на воздух.

Маленькой, легкой «Доротее» мины были не особенно страшны, но, поглядывая на огромный «Восток», Минаев качал головой.

Ох, если этот наскочит!..

Вдоль бортов плавучего госпиталя стеной стояли фигурки в белых халатах. Когда «Доротея» подходила ближе, над палубой поднимался целый лес рук. Раненые считали маленький корабль своим товарищем: ему тоже приходилось нелегко.

Когда корабли зашли в Таллинский порт, «Восток» и «Доротея» стали рядом.

Капитаны встретились на причале.

— Не сердись, Минич, — сказал капитан

«Востока». — Про буксир это я так, шутя. Машина у тебя тянет плохо. Смотри, дойдешь ли?

— Дойду... Тебе тоже достается. Если будут бомбить, ты как?

— От бомб отверну... А вот мины...

Капитан «Востока» замолчал. Действительно, если пароход станет тонуть, как спасти раненых?

Капитаны простились. Минаев еще долго стоял на причале и вдруг, резко повернувшись, торопливо зашагал к себе.

Через час на «Доротее» закипела работа. Из трюмов выбрасывали мешки с сухарями, пробку, листы фанеры. Вместо них грузили железные болванки, рельсы, вагонные колеса. Сыпали ящиками гвозди. На палубу рядами укладывали якорные цепи.

Когда погрузка закончилась, Минаев собрал команду:

— Ночью «Доротей» встанет впереди «Во-

Она двигалась, тяжело осев под грузом железа в воду. Чуткие магнитные стрелки, которые раньше не замечали ее приближения, теперь уже издалека начинали покачиваться на тонких осях в черной сердцевине мин.

Но «Доротее» везло. Она то проходила в стороне, то между минами, и следом за ней уверенно плыл огромный «Восток».

Минаев не уходил с мостика. Никто из команды не спал.

Дважды гул отдаленных взрывов долетал до них. Погибли два корабля, но «Восток» по-прежнему был цел.

Кончилась ночь.

Оранжевое солнце поднялось над горизонтом. По носу у кораблей встал из воды синий берег — Кронштадт. За ним дымили трубы Ленинграда.

— Вот и все! — устало проговорил Минаев и, держась рукой за сердце, прислонился к стене рубки.



стока», — медленно начал он. Сегодня как никогда у него кололо сердце. — Если на пути попадется мина — конец. Слишком много на корабле железа. Но мина достанется нам, а не ему, — и Минаев ткнул пальцем в сторону плавучего госпиталя. — Кто не хочет в этот рейс — два шага вперед! Разрешаю перейти на другой корабль.

В строю стояло четырнадцать человек. Трое молча собрали свои вещи.

Осталось одиннадцать. Двенадцатым был капитан.

Караван вышел в море.

«Доротей», густо дымя трубой-макарониной, начала прокладывать путь «Востоку».

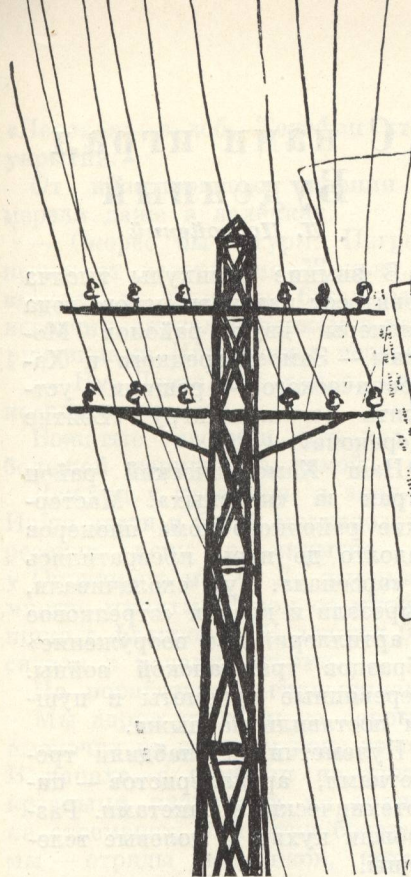
Вдруг страшный удар потряс «Доротей». Черный столб воды взметнулся над палубой. Судно сразу провалилось под воду. Громадный пузырь воздуха из его трюмов с шумом вырвался на поверхность.

Не спасся никто.

«Восток» прошел прямо через радужное пятно мазута, которое медленно расплывалось на месте взрыва.

Вдоль борта стояли белые фигурки раненых. Люди молчали.

Огромный корабль, не меняя хода, уносил их все дальше и дальше от того места, где закончился последний рейс «Доротей» и ее старого капитана.



Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

КТОДА: СТРОЙКИ СЕМИЛЕТКИ	КУДА: ВО ВСЕ КОНЦЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ВРЕМЯ ПОДАЧИ ВТОРОЙ ГОД СЕМИЛЕТКИ	КОМУ: ЧИТАТЕЛЯМ "КОСТРА"

*Сделано
делается
Будет сделано*

СТАЛИНАБАД. В горах Памира, у кишлака Нурек, начали строить крупнейшую в Средней Азии и самую южную в Советском Союзе гидроэлектростанцию. Реку Вахш перегордит плотина высотой в стоэтажный дом. Возникнет озеро-водохранилище в сорок семь километров. Нурекская ГЭС даст самую дешевую в СССР электроэнергию.

СВЕРДЛОВСК. На Уральском заводе тяжелого машиностроения закончен технический проект первого в мире блюминга-автомата. Этим гигантом — его вес пять тысяч тонн, а длина — полкилометра — будут управлять всего два человека.

КАЛИНИНГРАД. Впервые в Советском Союзе здесь начали выпускать вагоны-самосвалы на сто двадцать тонн угля, камня, ру-

ды. Легким нажатием рычага эти вагоны-великаны разгружаются за... семнадцать секунд.

СТАЛИНО. Завод имени Пятнадцатилетия комсомола Украины изготовил первый в нашей стране роторный экскаватор огромной мощности. Новая землеройная машина заменит десять шагающих экскаваторов.

КОСТРОМА. В поселке Карабаево живут тридцать три Героя Социалистического Труда: доярки, телятницы, пастухи. Пятеро из них — дважды Герои. В семье Смирновых — два Героя: мать и дочь. В семье Ситушкиных героев трое.

БАРНАУЛ. Алтайские пионеры и школьники собрали столько металлолома, что из него изготовили триста тракторов. Тракторная колонна «Алтайский школьник» отправлена на целинные земли.

НИЖНИЙ ТАГИЛ. Миллион тонн стали выплавил за девятнадцать лет работы на металлургическом заводе Герой Социалистического Тру-

да сталевар А. К. Гусаров. Из этого металла можно изготовить больше миллиона автомобилей «Москвич».

ОМСК. Начался выпуск новых стиральных машин «Сибирь-3». Два килограмма белья машина стирает и выжимает за четыре минуты. За час работы расходуется электроэнергия на шестнадцать копеек.

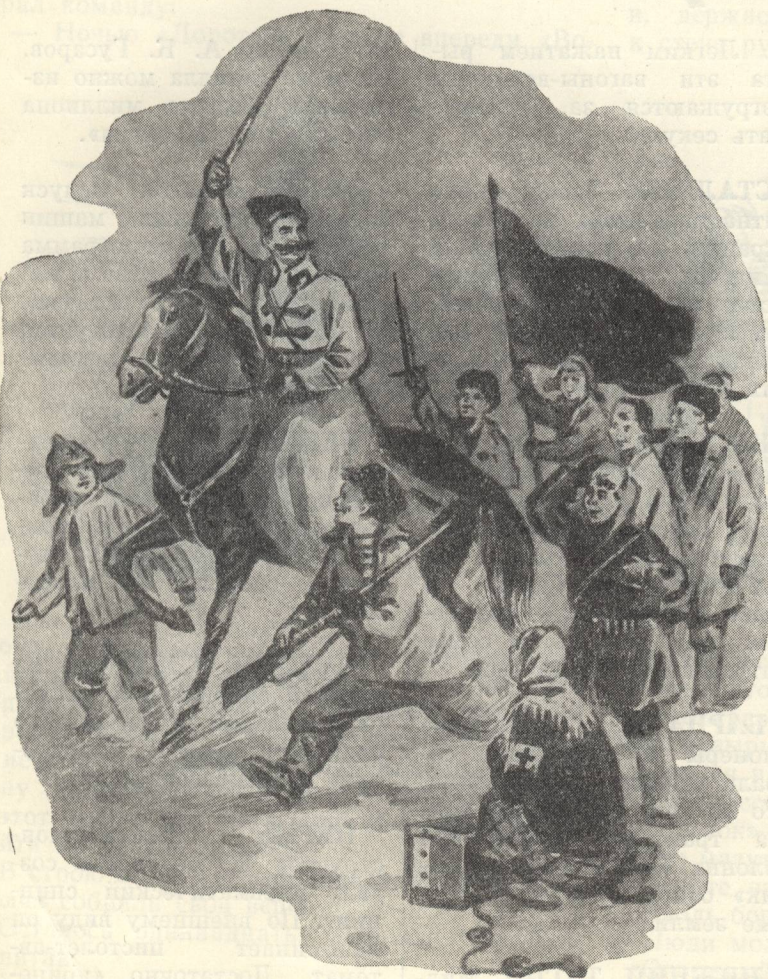
ЛЕНИНГРАД. В четырехэтажном доме № 3 по Сиповской набережной работает один из первых в стране водопроводов, трубы которого сделаны из пластмассы.

ТАЛЛИН. В 1960 году на местной специальной экспериментальной верфи решено построить первую спортивную пластмассовую яхту.

ПЕРМЬ. Инженер-конструктор В. Белоногов создал пневматический спиннинг. По внешнему виду он напоминает пистолет-автомат. Достаточно «прицелиться» и нажать на спусковой крючок, как блесну с леской выбросит на тридцать пять — сорок метров.



Из рассказов первых пионеров



Рисунки К. Савкевич

С нами играл Буденный

Л. Подвойский

В зимние каникулы тысяча девятьсот двадцать пятого года пионеры двух районов Москвы — Замоскворецкого и Хамовнического — решили устроить большую игру «Взятие Перекопа».

Наш Хамовнический район играл за «красных». Мастерские районного дома пионеров задолго до игры превратились в «арсенал». Тут сколачивали, вырезали и клеили «стрелковое и артиллерийское вооружение» образцов гражданской войны. Деревянные пулеметы и пушки поставили на лыжи.

Пулеметчиков снабдили трещетками, артиллеристов — пиротехническими ракетами. Раздобыли кухню и полевые телефоны.

Много было всяких выдумок. Девчата-санитарки, например, тренировали собак для санной упряжки.

День игры выдался морозный. Снег скрипел под ногами, сверкал под солнцем. Дым из труб деревянных домов, которых тогда в Москве было больше, чем каменных, поднимался прямо вверх.

В Нескучном саду, где теперь Центральный парк культуры и отдыха, на горе укрепились «синие». Называться «белыми» пионеры Замоскворечья отказались категорически. Подобно тому как в двадцатом году Фрунзе провел красные части через залив Сиваш в обход Перекопа, мы, «красные», должны были незаметно перейти по льду Москва-реку и проникнуть в тыл противника. Затем с двух сторон обрушиться на укрепления и взять «Перекоп».

Мы с моим товарищем Женькой Трусевичем дежурили у полевого телефона. Наша группа должна была атаковать

«Перекоп» в лоб. Телефон стоял в снежном укрытии.

От неподвижного сидения у меня ноги мерзли даже в валенках.

— Скорее бы штурм! Погреться бы! — изнывал от нетерпения Женька. Он поминутно вылезал из укрытия, бегал на дорогу и, как извозчик, стучал валенком о валенок и хлопал рукавицами. Нагревшись, возвращался ко мне.

— Ну, Левка, что там в телефоне? Слышно насчет сюрприза?

Вожатые говорили, что нас ожидает очень большой сюрприз. А какой — не сказали.

Дежурия у телефона, я знал, как идет игра. Наши части в белой маскировочной одежде пересекли реку и скрытно сосредоточились у Окружного моста. До штурма оставались немногие минуты. Рядом со мной стали сигнальщики с флажками. Я должен был передать им сигнал к началу штурма.

Но поработать сигнальщикам не пришлось.

Мы вдруг увидели: на дорогу, как в сказке, выскочил на вороном коне товарищ Буденный! В папаше, с ромбами на рукавах шинели и красными клапанами на груди, он поднялся на стременах, выхватил боевую пашку, и все мы — отряды лыжников, пехота на снежных откосах, сигнальщики, телефонисты — услышали громкую команду:

— Вперед! За власть Советов! В атаку ма-арш!

«Красные» рванулись на штурм. Затрепали пулеметы «синих». Артиллеристы дали «залп» ракетами. И тут в телефоне послышалось:

— Впереди овраг, снегу много. Где обходить?

В эту минуту Буденный спешил к возле нашего укрытия. Я передал ему донесение.

— Двигаться через овраг! — приказал Буденный. — Передать по цепям слова Суворова: «Где пройдет олень, там пройдет и солдат».

Скоро в укреплении «синих» грянуло «ура»: это «красные» взяли «Перекоп». А еще через полчаса наш любимый герой гражданской войны командарм Буденный принимал парад разгоряченных игрой пионеров. Проходя мимо Буденного, мы без команды поворачивали головы направо, стараясь получше рассмотреть лицо командарма. Конь под Буденным стоял как вкопанный.

— И такой большой командир все дела отложил, чтобы с нами поиграть. Прямо не верится! — шептал мне восхищенный Женька Трусевич.

...Потом я часто вспоминал, как с нами, пионерами, играл Буденный. Вспомнил я об этом и на фронте в Карпатах.

Мы наступали поздней осенью, без дорог, через долины, залитые водой, через высоты, поросшие лесом. На руках втаскивали орудия по глинистым склонам. Рыли землянки в горах, где на глубине в полторы лопаты били родники, как фонтаны. И всегда в трудно проходимых местах политотделы ставили деревянные щиты, на которых были написаны слова Суворова:

«Где пройдет олень, там пройдет и солдат». Но впервые эти крылатые суворовские слова я услышал от Семена Михайловича Буденного, во время «взятия Перекопа».

У дуба в Кемери

Я отдыхал на курорте Кемери, под Ригой.

В Латвии любят деревья, а особенно — дубы. Вот и в Кемери в парке стоит заповедный дуб, которому от роду шестьсот или семьсот лет. Около этого дуба произошла у меня интересная встреча.

Сразу по приезде в санаторий я обратил внимание на рослого широкоплечего моряка одного со мной возраста. Моряк выделялся среди отдыхающих. Он был первым в волейболе, теннисе, биллиарде, на танцах — и все это несмотря на то, что правая рука его была отрезана по локоть. Никому в голову не приходило жалеть его, как калеку. Оживленный, в веселом окружении молодежи, он громко говорил и много смеялся.

— Интересно, — спросил как-то моряк, — кто посадил и вырастил такой дуб-богатырь?

«Еще интереснее, — подумал я, — кто воспитал тебя таким — крепче дуба».

Нас познакомили. Услышав мою фамилию, однорукий моряк неожиданно улыбнулся и отдал левой рукой пионерский салют.

— Здравствуй, товарищ звеньевой!

Я смотрел на него неузнающими глазами, и он помог мне:

— Тысяча девятьсот двадцать шестой год. Газетчик Петька. Кличка — «Крепыш».

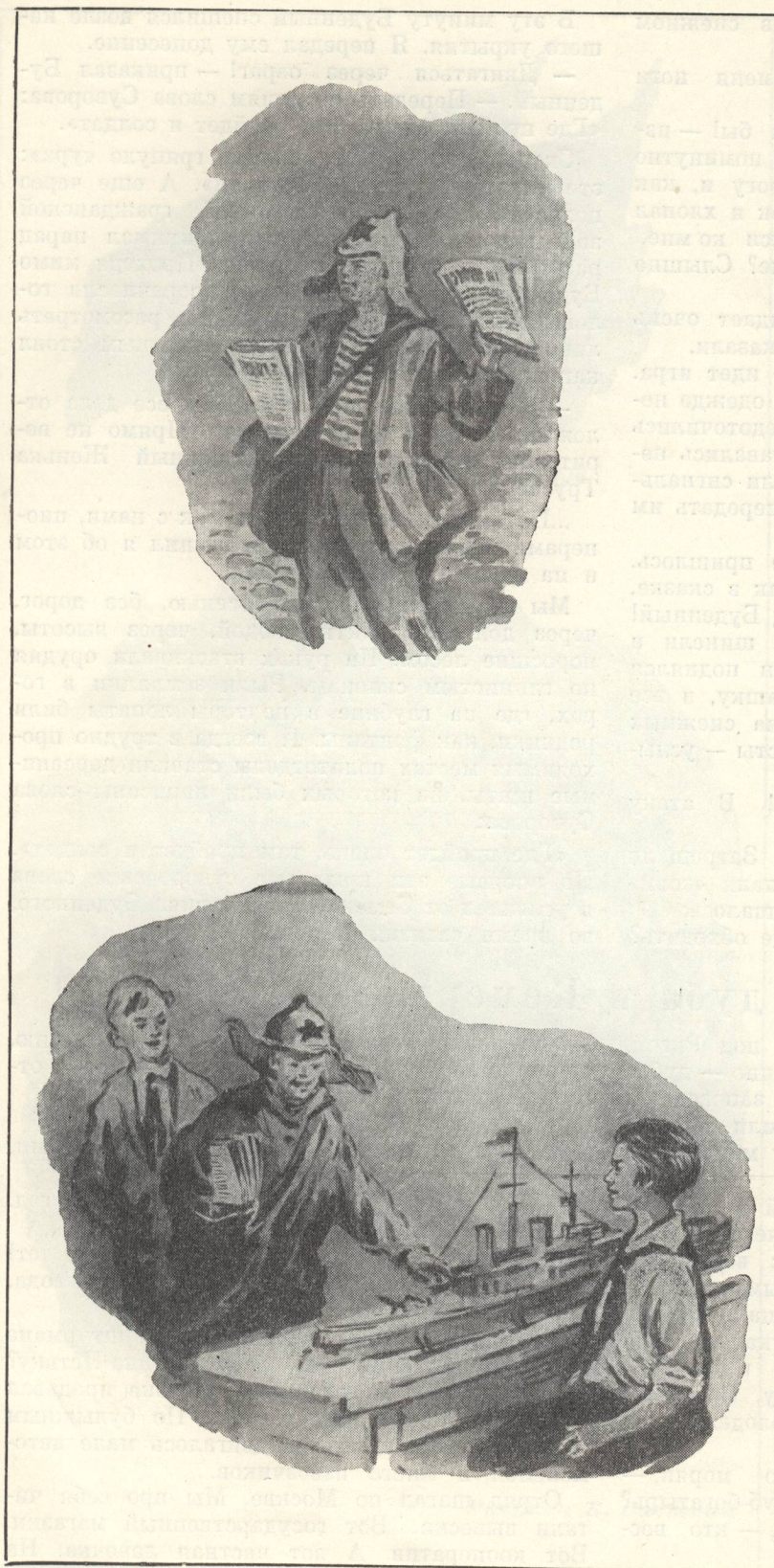
— Петька, милый! Сколько зим, сколько лет!

— Тридцать три. Ровно тридцать три года, товарищ звеньевой.

Ну кто бы узнал в подтянутом штурмане дальнего плавания чумазого газетчика Петьку?

...Тридцать три года назад Петька продавал газеты на московских улицах. По булыжным мостовым столицы тогда двигалось мало автомобилей и много извозчиков.

Отряд шагал по Москве. Мы про себя читали вывески. Вот государственный магазин. Вот кооператив. А вот частная лавочка. На



звуки барабана и горна из лавки высунулся толсторожий хозяйчик-нэпман в жилете с серебряной цепочкой по животу. Мы чеканили хором:

«По-смо-три-те, как не-ле-по
На нас смо-трят ро-жа нэ-па!»

Хозяйчика как ветром сдуло.

Возле церкви толпились нищие, калеки и богомольные старушки. Глядя на наши загорелые коленки, они сердито плевались. Вышел долгогривый поп, что-то сказал старушкам. Они засмеялись.

— Раз, два, три! — скомандовал вожатый.

Мы запели озорную комсомольскую песню:

«Не надо нам монахов,
Не надо нам попов,
Мы на небо залезем,
Разгоним всех богов!»

Неорганизованные мальчишки, которые из любопытства шли за нами, дружно подхватили:

«Ай да ребята, ай да комсомольцы.
Браво... Браво... Браво, молодцы!»

Отряд шагал в клуб. По воскресеньям в клубе происходили отрядные сборы. Раз в неделю собирались звенья. Каждое звено вело большую общественную работу.

Страна Советов была еще бедна. В асфальтовых котлах ночевали беспризорники. Многие ребята нигде не учились. Маленькие чистильщики сапог, продавцы папирос, газетчики зарабатывали на хлеб торговлей на улицах.

Нашему звену поручили работу среди мальчишек-газетчиков. Тут мы и столкнулись с Петькой Крепышом.

В холодную пору Петька ходил в старой женской кацавейке. Отрядная поэтесса Тося Петрова сочинила про него жалостные стихи:

«Хулиганит осенний ветер,
Крутит афиш клочья.

Любит ветер играть с Петей,
Ну, а Петя с ветром не очень».

Но на голове у Петьки красовалась лихая буденовка, и жалеть его не приходилось. Отчаянный и сильный не по летам, озорной, как чертенок, Петька срывал все наши затеи по работе среди газетчиков. Мы не могли уговорить их ходить в кружок ликбеза — ликвидации безграмотности. Сироты не желали идти в детские дома. Газетчики не бывали в пионерском клубе.

На все приглашения они отвечали:
— Петька не велел.

«Обработать» Петьку досталось мне — звеньевому. Ох, и помучился я с ним! Просто чудом удалось мне наконец затащить Петьку в пионерскую комнату. И тут произошло другое чудо.

Комсомольская ячейка и наш отряд шефствовали над одним из кубриков линкора «Марат». В подарок подшефным мы строили большую модель корабля. Когда мы с Петькой зашли в комнату, модель стояла на столе. Петька увидел ее — и пропал! Погиб бесповоротно! Он, оказалось, с малых лет мечтал о море.

Петьке сразу понадобилось написать письмо на «Марат». Он стал учиться грамоте. За зиму он кончил кружок ликбеза. Мы ликовали.

В июне, когда наш отряд собирался в лагерь, Петька пришел такой тихий и смущенный, каким мы его прежде не видели.

— Пожалуйста, товарищи пионеры, возьмите меня с собой! За харчи я заплачу. Мне к осени очень нужно пройти всю вторую ступень (так тогда называлась начальная школа).

— Летом отдыхают, а не учатся, — решительно отрезала Галя Светлова.

— Мне очень надо. Грамотного могут юнгой

взять на «Марат». Мне сам командир обещал. Я ему письма писал.

Мы взяли Петьку в лагерь бесплатно. Все лето он отчаянно учился. От ретивого ученика спасались бегством его учителя. И Петька пустился на хитрости.

Горнист Робка Поговский неплохо знал английский язык. Петька стал подговаривать его устроить ребятам соседнего лагеря «мировой розыгрыш». Петькин план состоял в том, чтобы выдать звено наших малышей за англичан — детей английских забастовщиков-горняков. В Англии проходила всеобщая забастовка, и рабочие всех стран помогали бастующим, приглашали их детей ножить в гостях.

Долго уговаривал Петька Робку, и тот, наконец, «завелся»:

— Им же надо хоть немного знать по-английски! — доказывал простодушный Робка, а Петька коварно поддакивал:

— Во-во! Вот ты и обучи нас!

Он, разумеется, стал самым ревностным Робкиным учеником.

Звено малышей оделось, как на маскарад. В соседнем лагере их встретили с почетом, собрали торжественную линейку, накормили обедом, даже двух куриц зарезали для гостей. По-английски хозяева не знали ни слова. Наши малыши несли невероятную тарабарщину, давились от смеха и время от времени вставали:

— Ол райт!

— Гуд бай!

Только Робка с Петькой изредка перекидывались настоящими английскими фразами.

Пришла осень, и Петька уехал в Ленинград. На вокзал мы проводили его всем отрядом, с барабаном и горном...

— Так вот, звеньевой, — сказал мне у дуба в Кемери бывший Петька Крепыш, — помнишь, ты уговаривал меня стать человеком? Я стал им. Пионеры помогли.

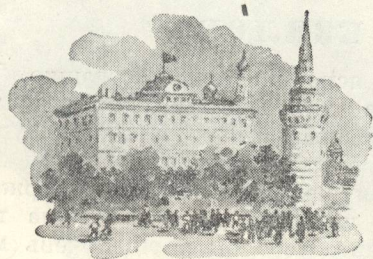
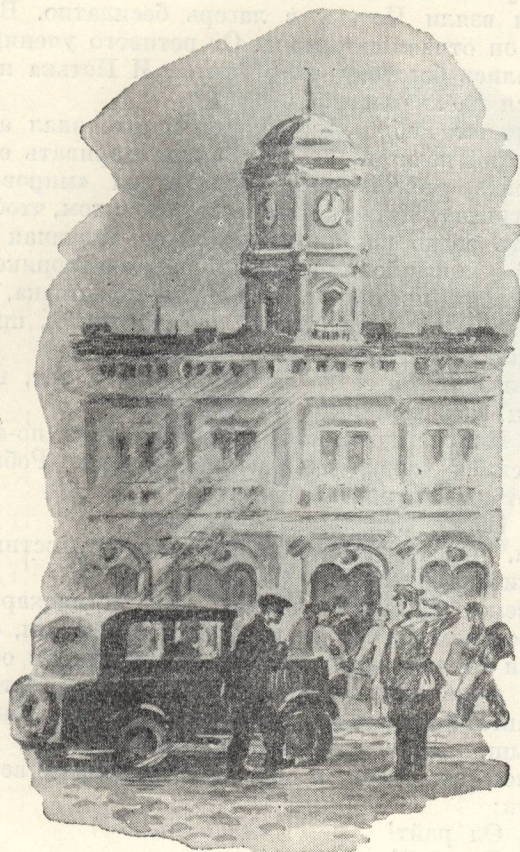
Комендант всех вокзалов

В августе тысяча девятьсот двадцать девятого года в Москве проходил Всесоюзный слет пионеров.

Мне тогда было восемнадцать лет. Я работал в Центральном штабе слета под начальством члена ЦК комсомола Нюры Северьяновой, двадцатилетней работницы-ткачихи. Хрупкая на вид девушка, впервые выбранная в ЦК, Нюра очень твердо командовала штабом.

— Будешь отвечать за приезд и отъезд делегаций, — по-военному кратко приказала мне Северьянова. — Все вокзалы подчиняются тебе. Ясно?

Ясно-то ясно, но ведь и страшно. Три дня подряд на девять московских вокзалов специальными поездами и вагонами будут прибывать делегаты республик, краев и областей, шесть тысяч пионеров! Их надо торжественно встретить, накормить, отправить на трамваях в баню (автобусов было еще очень мало), — и чтобы никто не отстал, не потерялся в дороге! Надо было согласовать с железнодорожниками расписание поездов, пригласить через райкомы рабочих для торжественной встречи, вызвать оркестры, проверить, хорошо ли подготовлены вокзалы, вывесить лозунги...



Будут ли меня слушаться? Ведь я еще даже не бреюсь как следует. Справлюсь ли? Справлюсь. За мной стоит штаб слета, ЦК комсомола, а всю подготовку к слету направляет Центральный Комитет партии. Председатель комиссии содействия слету — Михаил Иванович Калинин. Он умеет вовремя вмешаться, решить любой вопрос и сделать это тактично, — пусть комсомольцы думают, что они «сами с усами».

Я поехал по вокзалам в стареньком «Форде» — и для быстроты, и для солидности. «Куда идти сначала? — думал я, сжимая в руке мандат. — К начальнику вокзала? К коменданту?»

Бравый военный ждал меня у подъезда.

— Докладывает комендант Павелецкого вокзала...

Мы пошли по вокзалу — комендант, начальник, я впереди, за нами небольшая свита: директор ресторана, санитарный врач, представители встречающих организаций и... капельмейстер оркестра.

— Будет исполнено... Есть... Как прикажете... — отвечал комендант на мои указания. Мне некогда было даже смутиться, — ведь впереди еще восемь вокзалов!

Трое суток я провел без сна у телефонов. Держал связь со всеми железными дорогами. Следил, как идут дела на вокзалах. Все шло гладко.

На ночном заседании штаба Северьянова сказала:

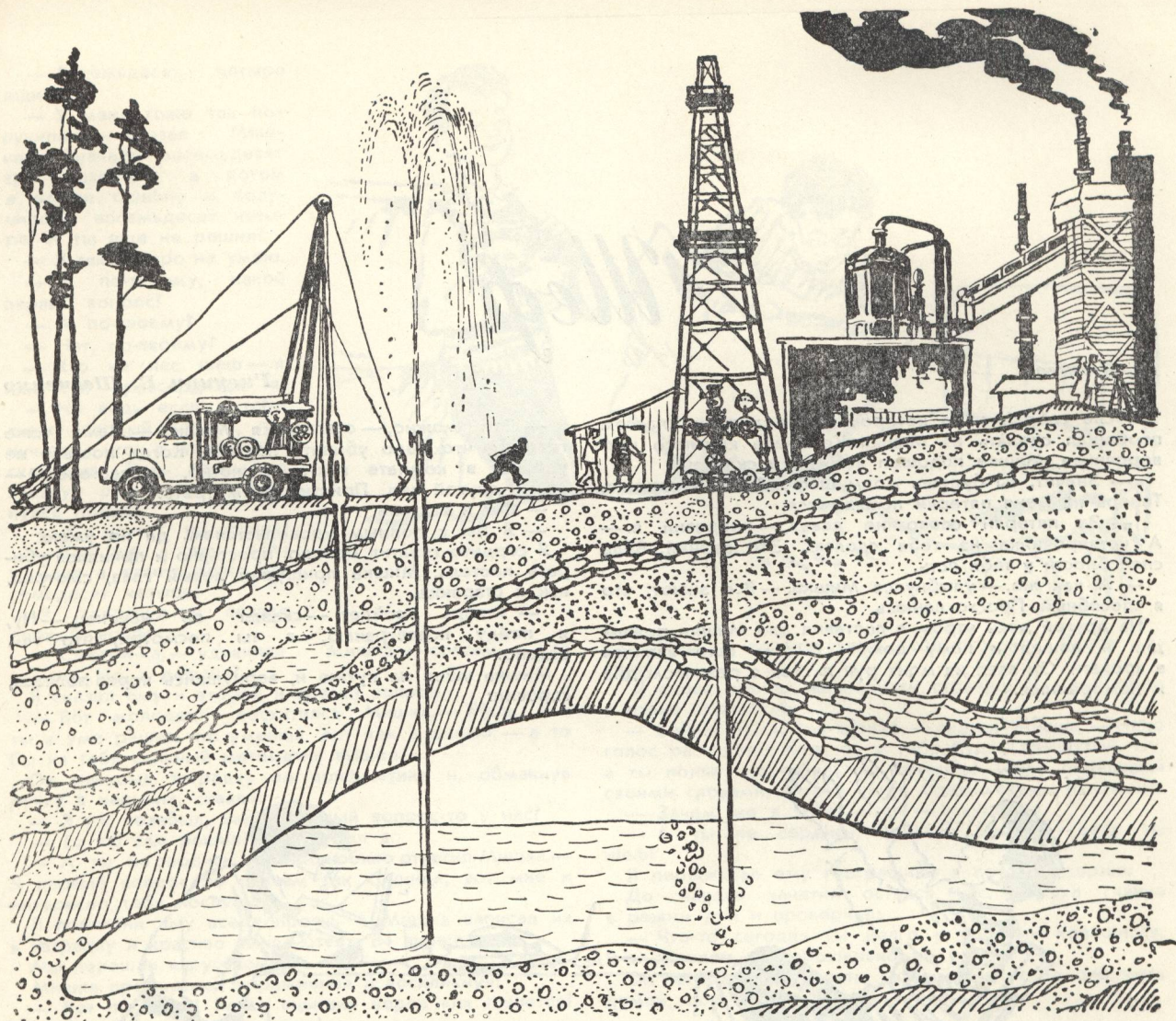
— Встреча делегаций прошла организованно. Теперь у тебя мало дела. Будешь комендантом пионерской конференции в Кремле.

И вот я в Кремле. С комендантом Кремля Петерсоном обходим дворец.

— Все будет сделано, как указывает штаб, — с серьезным лицом говорит Петерсон. Старый большевик, он ровесник моему отцу. Но он внимательно слушает нас, комсомольцев, раз партия доверила нам провести пионерский слет.

Первый раз заседали тогда пионеры в Кремле. Они степенно подходили к Боровицким воротам, важно предъявляли мандаты и, не выдержав, веселыми стайками бежали ко дворцу. Точно на птичьем базаре, слышался во дворе гомон ребят.

Зал заседаний тогда еще называли Андреевским. Тихо стало в нем, когда легко, как комсомолец, вбежал на трибуну один из старейших большевиков, друг Ленина, Кржижановский. Словно сказку слушали пионеры его рассказ о Первой пятилетке. Он всегда умел говорить увлекательно, а тут тема была такая благодатная — путешествие в будущее...



Кладовые синего топлива

Вдоль железнодорожного полотна выстроились в ряд серебристые баллоны. Тут же — переплетения труб, какие-то аппараты, приборы... Это довольно сложное хозяйство называется газгольдерной станцией.

Знаете, для чего нужны такие станции?

В газовую сеть Ленинграда подключены крупные заводы, фабрики, теплоцентраль. Топлива им требуется много — иногда больше, чем может доставить газопровод. Нужны резервы. Их и запасают в хранилищах.

Газгольдер — машина огромная, металлу на него идет куда больше,

чем, например, на вагон или цистерну. А металл нужен стране и для других целей...

Специалисты Научно-исследовательского геологоразведочного института предложили: давайте приспособим под газ природные хранилища — подземные пещеры.

Правда, они встречаются далеко не на каждом шагу, а подходящие — и того реже. Но ведь можно и поискать!

Можно и должно.

Сейчас, когда ты читаешь эти строки, отряды геологов идут по лугам и полям Ленинградской области. Их задача — задача со многими неизвестными.

Пещера должна быть обязательно куполообразной, с высоким «потолком» — иначе газ растечется, никакими силами не соберешь его.

Нужно, чтобы пещера оказалась не слишком глубоко — замучаешься с бурением, — но и не слишком близко от поверхности: газ может просочиться.

Иной раз все как будто в порядке, а нет — чересчур удалена «кладовая» от основной трассы газопровода. Много понадобится соединительных труб. И опять геологи складывают инструменты.

Они идут дальше. И не теряют надежды: подземные кладовые будут найдены!

А. Слаков

Шеф

Ю. Дружев

Рисунки В. Шевченко

После собрания, на котором я перед всем классом пообещал сделать из Мишки Кемалева круглого четверочника, Мишка подошел ко мне и сказал:

— Значит, ты будешь моим шефом? Вот и хорошо. Теперь на меня пятерки посыплются.

— За пятерки слово не давал, — поправил я. — А четверочника из тебя сделаю. Это верней. Ведь способности у тебя есть.

— А как же, — улыбнулся Мишка. — Все знают, что я способный. Просто лениусь.

На другой день утром я составил для Мишки режим дня и пошел к нему домой. Мишка еще валялся в кровати. Он взял из моих рук листок с режимом дня и поморщился.

— Это можно, — согласился Мишка. — Мама тоже говорит, что надо убирать постель. Когда постель не убрана, в комнате как-то неуютно. А застелешь — сразу другой вид. Приятно посмотреть.

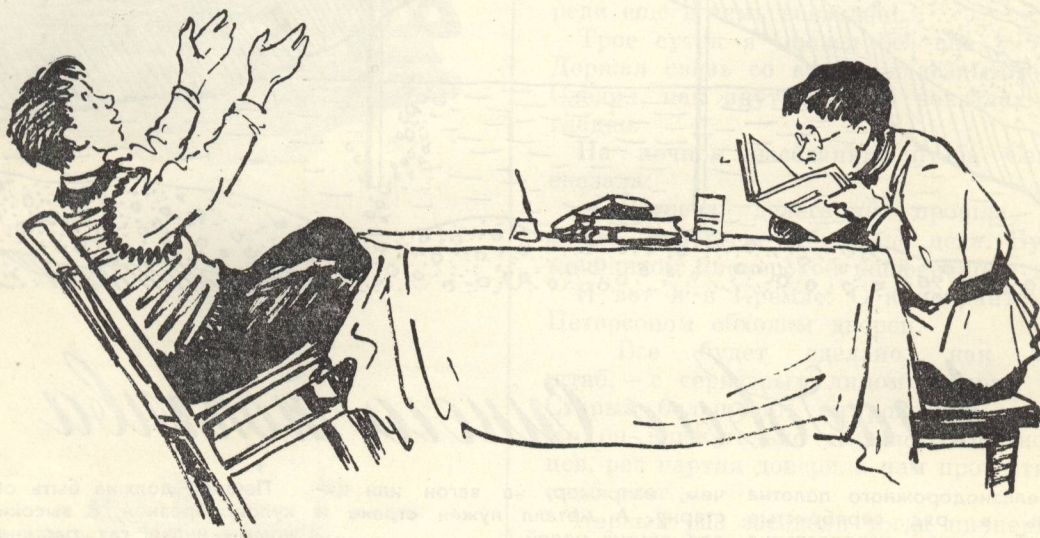
— Вот и застели.

— Я бы с полным удовольствием, да не умею.

Я сердито схватил одеяло, простыню и принялся убирать постель. Мишка прищурил левый глаз, смотрел, как я стараюсь.

— Теперь сойдет, — сказал он наконец. — Ну, я пойду позавтракаю, а ты посмотри, что там задано.

Мишка ушел на кухню и, вернувшись через полчаса, спросил:



— Что он у тебя такой некрасивый? И на стену-то повесить неудобно. Куда я его дену? Ты уж постарайся, нарисуй получше, пока я умываюсь.

Мишка дал мне коробку цветных карандашей, а сам пошел в ванную. Я раскрасил режим завитушками и прикрепил к стене.

— Это совсем другое, — довольно сказал Мишка. — Теперь кто ни придет, сразу увидит, что у меня жизнь по графику. Вот только бы надо рамку найти! Без рамки некрасиво.

— И так хорошо, — отрезал я. — Умылся? Теперь убирай постель.

— Что? Много работы?

— Арифметика, география, русский, история.

— Ого, порядком. Начнем с арифметики. Прочти-ка задачку.

— На склад привезли тридцать один центнер пятьдесят килограммов сушеных овощей — картофеля и моркови, причем моркови было в четыре раза меньше, чем картофеля. Ящик картофеля весил тридцать килограммов. Сколько привезли на склад ящиков картофеля?

Мишка задумчиво посмотрел на потолок, пожевал губами и спросил, какой ответ.

— Восемьдесят четыре ящика.

— У меня тоже так получилось, — сказал Мишка. — Сначала восемьдесят три выходило, а потом я нашел ошибку и получилось восемьдесят четыре. А ты еще не решил?

— Я так быстро не умею.

— А по-твоему, какой первый вопрос?

— А по-твоему?

— Нет, по-твоему?

— Кто из нас шеф — я или ты? — рассердился я.

— Но ведь если я тебе скажу первый вопрос, получится, что я тебе подсказываю. Ведь первый-то задачу решил я, — улыбнулся Мишка.

— А, может, ты врешь?

— Как же я вру, если у меня в ответе тоже восемьдесят четыре?

Я вздохнул и сказал первый вопрос.

— Смотри-ка, — удивился Мишка, — совсем как у меня. Ну, а дальше?

Я сказал ему и второй и третий вопрос.

— Вот молодец! — воскликнул Мишка. — Жаль, что ты в уме решать не умеешь, вот как я делаю, — а то бы из тебя сильный математик вышел.

Он раскрыл тетрадку по арифметике и, обмакнув ручку в чернила, сказал:

— Я уж позабыл, какой первый вопрос-то у нас?

— Ты же сам решил! — закричал я.

— А ты не сердись, — миролюбиво ответил Мишка. — Я первый вопрос не совсем так сочинил, вот мне и интересно тебя послушать.

Я повторил ему все вопросы. А Мишка записал их в тетрадку и красиво вывел ответ: 84 ящика.

Мы перешли к русскому.

Мишка просмотрел упражнение и воскликнул:

— Вот путаница! Разве «цыган» через «и» пишется? Нет? А тут «и». Эх, грамотеи!

Мишка карандашом что-то исправил в учебнике и воскликнул:

— Снова вранье! Слово «шелк» ведь через «о» пишется! Что? Через «е», а тут... Вот сапожники!

Мишка опять поправил в учебнике карандашом.

— А «щуриться»? Ну да, через «у», а тут-то, а тут-то...

Я взял учебник и увидел, что слово «цыган» в упражнении стоит с пропуском на месте «ы». Точно так же было дело и с другими словами.

— Ох и жук ты, Мишка, — сказал я. — Ведь упражнение-то опять сделал я, а не ты!

— С тобой и посоветоваться нельзя! — возмутился Мишка.

— Это не совет, а подсказка.

— Очень мне нужна твоя подсказка! Я и сам способный, хоть у кого спроси.

Мишка, надувшись, медленно переписал упражнение в тетрадь.

Теперь надо было учить историю и географию.

— Ты читай вслух, — сказал Мишка. — Так лучше запоминаешь.

Я прочел ему пять страниц истории и семь страниц географии. Мишка слушал, кивал и смотрел в потолок.

— Еще раз повтори, — сказал он. — Да читай с вы-



ражением. А то гнусавишь себе под нос, будто молишь.

Я снова прочел двенадцать страниц. У меня даже в горле пересохло.

— Сейчас ты читал лучше, — сказал Мишка. — Надо голос развивать. А то он у тебя будто треснутый. Ну, а ты понял что-нибудь из истории? Тогда перескажи своими словами, а то в книге больно скучно изложено.

— Зачем же я тебе читал! — вскипел я.

— А ты не сердись, — сказал Мишка, — ведь ты шеф!

Я пересказал ему географию, а потом историю.

До начала занятий остался час. Мишка глянул в режим дня и проворчал:

— Что-то сегодня ты долго с уроками копошился. Я и погулять-то хорошенько не успею.

Он отправился гулять, а я едва успел забежать домой, поесть да собрать сумку.

Когда в школе по арифметике стали проверять домашнее задание, учитель Василий Федорович увидел, что у меня в тетрадке пусто, рассердился и поставил двойку. А Мишка за усердие и красивое оформление задания получил пятерку.

Следующим уроком был русский. Вера Степановна спросила меня, как я написал слово «цыган», и я сказал, что через «и». Сразу поднялся лес рук. Вера Степановна назвала Мишкину фамилию, и тот с достоинством объяснил, что слово «цыган» всегда пишется через «ы».

Мишке Вера Степановна поставила пятерку и сказала, что он заметно изменился к лучшему.

После уроков ко мне подошел староста и еще несколько ребят, и все они стали говорить, что если у меня большие пробелы в знаниях, это не беда, они дадут мне хорошего шефа, и дело быстро пойдет на поправку.

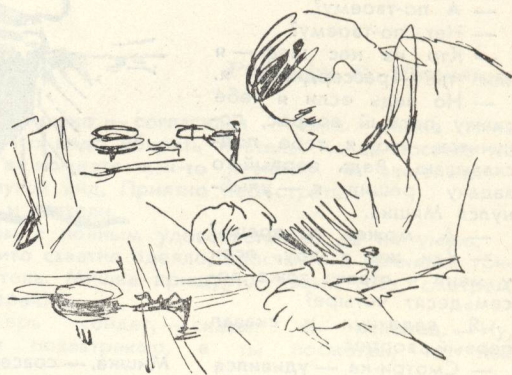
Тут сбоку выскочил Мишка и сказал, что он решил взять надо мной шефство.

— Я из него живо сделаю круглого пятерочника, — поклялся Мишка. — Вы уж мне поверьте. Ведь способности у него есть, я-то знаю.



По Чехословакии

Из альбома художника Б. Федорова



Хорошо побывать в гостях у друзей! Например, в городах и селах Чехословакии. Здесь всё покажут гостю: и повые заводы, и старые замки, и школы, и парки, и магазины...

Но художнику, попавшему в эту чудесную страну, мало смотреть — ему немедленно хочется взяться за карандаш. Так и поступил Борис Федорович Федоров...

Староместская площадь в Праге...



Каждый год 6 ноября, жители Праги собираются здесь на манифестацию в честь Октября — великого праздника советского народа, с которым, как говорят в Чехословакии, «мы на вечные времена».

А пражские школьники приходят сюда чаще: очень интересно посмотреть на «живые» часы. Каждый час открывается дверца и появляются фигурки, «отбивающие время». Как в кукольном театре!..

В Чехословакии любят танцы. Любят песни. Любят спорт. Но больше всего любят труд и людей — мастеров своего дела. Здесь даже при встрече говорят не «здравствуйте», а «чест праці» — «честь труду».

Посмотрите на рисунок «Железный Брод». Это город мастеров стекла. Их изделия славятся во всем мире.

Вот сидит на своем рабочем месте опытный мастер Ярослав Брихта. Две тонкие палочки в руках... Взгляните, как бесформенную массу стекла Брихта превращает в красавицу-птицу — вам покажется, что палочки — волшебные...





Но вернемся в Прагу... Еще раз пройдем по Староместской площади, Карловой улице... Только не торопитесь, терпеливо ожидайте зеленый свет на перекрестке: так принято в этом городе — пешеходы строго подчиняются светофору, даже если нет большого движения...

Что это за памятник на высокой горе? На гранитном постаменте Ян Жижка, славный борец за независимость своего народа. За памятником — мавзолей. В нем похоронен первый чехословацкий рабочий президент Клемент Готвальд.

А вот и Влтава! 12 мостов перекинута через нее. И самый красивый — Карлов. На нем — 15 пар скульптурных групп.

Прага — город древней культуры. Здесь работали величайший чешский писатель Ян Неруда, композитор Бедржих Сметана, художник Иосиф Маисес...

Немало писателей, художников, музыкантов живет здесь и сейчас.

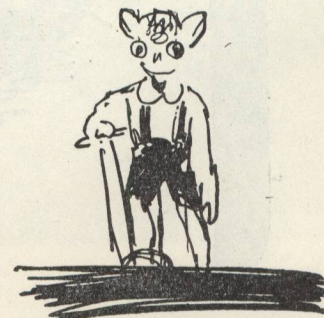
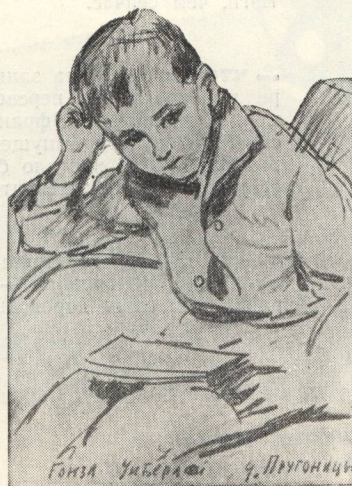
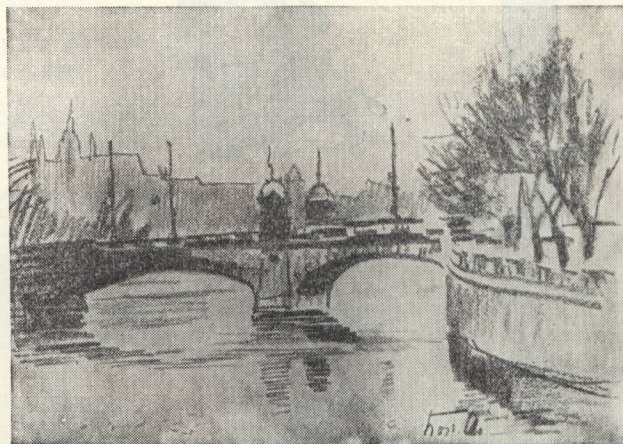
А вот изображенный на рисунке «портрет из полена» вырубил совсем юный скульптор Гонзик Уйберлей.

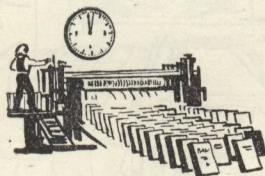
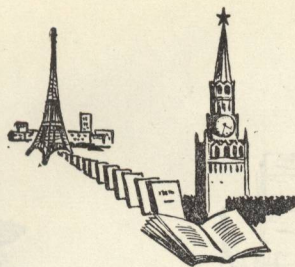
Он очень любит искусство: скульптуру и кукольный театр, особенно «чехословацкого Петрушку» — Гурвинека...

Гонзик живет под Прагой, в дереве Пругоницы.

Хотите — напишите ему...

Текст В. Торопыгина





...ЧТО первый День печати праздновался 5 мая 1914 года, в день двухлетнего юбилея «Правды». Вместе с «Правдой» его отмечали еще семнадцать рабочих газет.

... ЧТО «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», «Пролетарская правда», «Путь правды», «Трудовая правда», «Листок „Правды“», «Рабочий и Солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь» — названия одной и той же газеты. Под этими названиями в разное время выходила «Правда», спасаясь от преследований царской цензуры.

... ЧТО за первые два года существования «Правды» по приговорам царского суда ее редакторы должны были отсидеть под арестом 96 месяцев, то есть целых восемь лет.

... ЧТО слово газета произошло от наименования мелкой венецианской серебряной монеты «gazetta», по цене которой продавались тогдашние листки сообщений.

...ЧТО первая газета издавалась в древнем Риме.

... ЧТО первая советская плоскочечатная машина называлась «Пионер».

... ЧТО в этом году исполнилось тридцать пять лет со дня выхода первого номера «Пионерской правды».

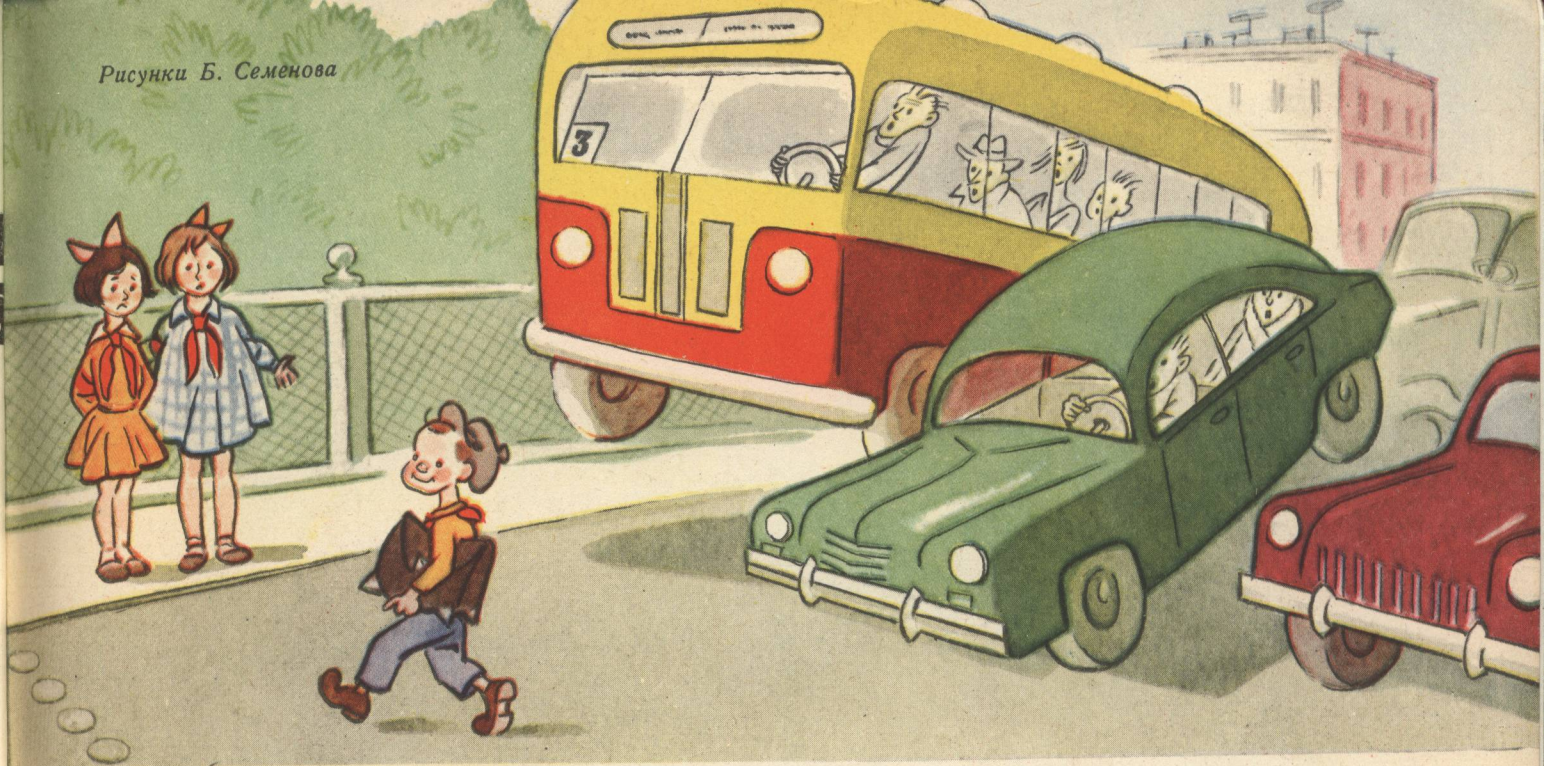
... ЧТО в СССР каждую минуту выходит из печати семь с половиной тысяч книг.

... ЧТО в некоторых странах народной демократии День печати отмечается в свои даты: в Болгарии, например, 5 марта.

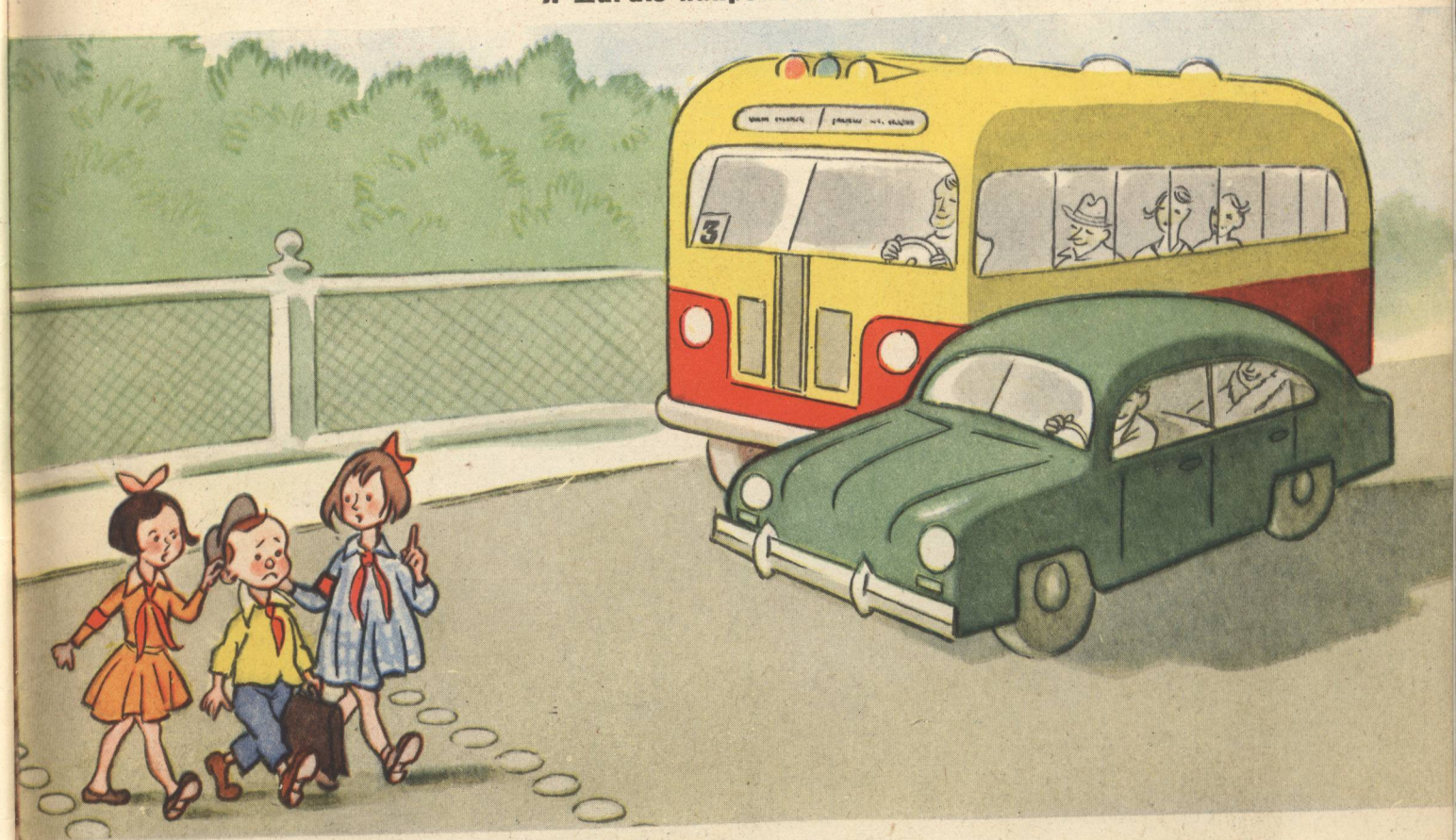
... ЧТО в конце Семилетки советские фабрики будут выпускать в два раза больше газетной бумаги, чем сейчас.

... ЧТО наша страна занимает первое место в мире по количеству переводных изданий. Например, в переводе с французского за сорок лет советской власти выпущено столько томов литературы, что не хватило бы полки от Москвы до Парижа, чтобы расставить их.

... ЧТО тираж центральной «Правды» — пять миллионов экземпляров — в два раза больше тиража всех газет дореволюционной России.



**Эй, шофер, крути рулем,
Я шагаю напролом.**



**— А теперь поговори-ка
С пионерским патрулем!**



РАННЯЯ ВЕСНА

Вера Загорская, 10 лет. Ленинград



1-ое МАЯ

Саша Буткин, 13 лет. Ленинград



ИГРАЙТЕ В ЛАПТУ

В 1959 году в нашей стране появился новый вид спорта — лапта. Старинная народная игра была включена в программу Спартакиады народов РСФСР. Установлены постоянные размеры площадки, диаметр и длина биты, уточнены правила. Созданы сборные команды областей и республик.

Такое внимание к лапте не случайно.

Удары по мячу, ловля его, бросок, бег с прыжками и увертываниями вырабатывают быстроту, ловкость, глазомер, меткость.

Хочешь приобрести эти полезные качества — играй в лапту.

Для игры в лапту нужна ровная площадка, маленький мяч и удобная для удара по нему круглая палка — лапта.

На площадке чертятся две линии: «город» и «дом». Играющие делятся на две равные команды. Одна из них по жребию становится «водящей», другая — «бьющей». Водящие в свободном порядке располагаются на поле между линиями «города» и «дома». Бьющая команда занимает место в «городе». Там же встает и подающий мяч игрок водящей команды.

Ударив по мячу, игрок должен перебежать из «города» в «дом» и обратно. Водящие стараются запятнать мячом перебегающих игроков. Когда это им удается, команды меняются местами.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ИГРЫ

1. Каждый игрок бьющей команды имеет право на один удар по мячу. Если мяч плохо подброшен, удар можно не производить (делается повторная подача).

2. Право на новый удар игрок приобретает после перебежки из «города» в «дом» и обратно.

3. Если удар слабый и сделать перебежку нельзя, игрок остается в «городе» и ждет удачного удара своего партнера.

4. Если в «городе» остался всего один игрок бьющей команды, ему предоставляется право пробить по мячу три раза.

5. Перебегать можно, когда мяч находится в поле.

6. Запятнать игрока можно только в поле.

7. При попадании в перебегающего игрока бьющая команда может отыгаться, если успеет запятнать кого-либо из противников, бегущих в «город» или «дом».

8. Мяч, пойманный с лёта — «свеча» — дает право на переход водящей команды в «город».

9. Победит та команда, которая больше времени окажется бьющей.

Известный русский писатель А. Куприн говорил о лапте так:

«Трусам и лентяям в этой игре нет места. Я усердно рекомендую эту родную русскую игру, не только как механическое упражнение, но и как безобидную забаву, в которой вырабатывается товарищеская спайка: «своего выручай».

Ю. Портных





Пионер
любит
и охраняет
природу

ДЕВЯНОСТО СТУПЕНЕК ВВЕРХ

Н. Сладков

Рисунки Е. Захарова

Последний день занятий, последний урок, последний звонок! Что там ни говорите — волнующее событие!

Сегодня последний день занятий, завтра первый день каникул. За первым днем будет второй, третий, десятый. Девяносто свободных дней!

По-разному можно пройти по этим девяноста дням. Ведь сколько ребят, столько и ха-

рактеров, склонностей, привязанностей, желаний. По-разному можно пройти: важно только, чтобы эти девяносто дней стали девяноста ступенями вверх. Важно, чтобы каждый ежедневно поднимался на ступеньку, не стоял на месте или, того хуже, не спу- скался вниз.

Девяносто дней мы будем путешествовать по странам

юга, — ИЮНЮ, ИЮЛЮ и АВГУСТУ. Путешествовать тоже можно по-разному. Можно самим поехать на юг или на север. А можно дожидаться, когда север или юг придут к нам. Зимой к нам приходит север, а летом — юг.

ИЮНЬ — первая южная страна, которая сама приходит к нам.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ ИЮНЬ

Каждый год бываем мы в стране Июнь и каждый раз узнаём в ней все новое и новое.

Много лет назад я с друзьями, как и вы, отправился

в свое первое путешествие по этой стране. Мы построили себе корабль — шалаш в лесу. Корабль стоял на одном месте, а страна Июнь двигалась мимо.

Шалаш мы сделали из густых еловых лап и окопали канавой, — нам не страшны были бури и ливни. Мы варили кашу на «лосиных» дровах и подметали мусор «ведьми-



ной метлой». «Лосиные» дрова — это поврежденные лосями и засохшие осинки, рябинки и ивы. А «ведьмина метла» — это и есть «ведьмина метла» — сгусток ветвей на березе, выросших на месте, пораженном особым грибом.

Умывальник мы сделали из бересты, полочки — из грибов-трутовиков. Над входом в шалаш укрепили найденный в лесу лосиный рог. Костер разжигали увеличительным стеклом, пили из берестяного ковшика, наблюдения записывали в берестяную книжечку — «Судовой журнал».

Мы смазывали сапоги дегтем, который добывали сами. Мы мылись лесным мылом, приготовленным из корня травы «собачье мыло». Мы спасались от комаров, бросая в костер цветы ромашки и выстилая шалаш полыньей. Вместо шапки на голову надевали листья лопуха, скрепленные травинками. Мы пили чай, заваренный листьями земляники. Время мы определяли по солнцу и аппетиту. Дни отмечали на особой «календарной» палочке.

Корабль наш летел на всех парусах! И, честное слово, я и сейчас на таком корабле, не задумываясь, пустился бы в путешествие по всем двенадцати странам года.

Как же и что мы открывали?

Наблюдения можно вести по заранее намеченному плану. Основой такого плана может быть то, что пройдено в школе по биологии. Можно расширить план и взять в путеводители себе книги, рассказывающие о работе любителя природы в лесу и в поле.

Мы же поступали так. Наши знания, полученные в школе и из книг, были для нас компасом. Нашим оружием были руки, глаза и уши. Нашим знаменем было открытие для себя страны Июнь.

Июнь оказался страной песен. Песни и крики слышны были и днем и ночью, если можно назвать ночью короткое время сумерек. Птички-зорянки, поющие на вечерних и утренних зорях, пели каждая за двоих. Одним глазком они провожали зорю вечернюю, другим встречали утреннюю.

Не отставали и другие птицы — все уши нам пропели! Мы подсчитали: малая мухоловка спела за день 2000 песен! А пеночка-теньковка и зяблик — по 2900! Но всех перепел лесной конек: пел всё светлое время — семнадцать часов подряд! — и спел 3230 песен, по 188 песен в час.

А ночью пел козодой. Песенка его лилась, как задумчивая

трель сверчка. Иногда, подобно летучей рыбке, он пролетал над нашим кораблем и хлопал крылом о крыло. А темные вершины сосен шумели над нами, как паруса...

С каждым днем мы все больше убеждались, что Июнь — действительно особая страна, со своими законами, жителями, событиями и делами. Придет Июль, и многое в лесу изменится. Надо спешить! В июне легко спешить, в июне самые длинные дни в году!

*Продолжение
в следующем номере*

Захвати с собой книги:

С. Бутурлин. «Что и как наблюдать в жизни птиц»

А. Вагин. «Работа биолога в пионерском лагере»

А. Промптов. «Птицы в природе»

А. Формозов. «Спутник следопыта»

А. Лаптев. «Лесные диковины»

С. Туров. «Фотограф-натуралист»

Н. Верзилин. «По следам Робинсона»

К. Благосклонов. «Охрана и привлечение полезных птиц»

«Изучай свой край». (Сборник под редакцией С. В. Обручева.)

А. Михеев. «Определитель птичьих гнезд»

В. Музафаров. «Определитель минералов и горных пород»

М. Нейштадт. «Определитель растений»

Н. Плавильщиков. «Определитель насекомых»

Л. Терентьев. «Определитель пресмыкающихся и земноводных», «Определитель метеорологических растений»





Фейка

Из дневника юннатки Вали Эстриной



7/VI

Сегодня в парке я нашла вороненка. Сам черный, крылья серые, летать не умеет. Это была самочка. Я назвала ее Фейкой.

9/VI

Фейка очень много ест. Я кормлю ее мелко порезанной рыбой: уклейкой и плотвой. Иногда даю ей мясо, хлеб, картошку, червей. Фейка проглатывает пищу, если положить ее глубоко в клюв.

12/VI

Сегодня я пришла с рыбалки, смотрю: Фейка сидит около будки и долбит клювом чашку. Взяла я в руки рыбину и позвала: «Фейка, Фейка!» Она увидела меня, присела, стала трясти крыльями и кричать.

14/VI

Фейка каждый раз встречает меня у калитки и приветствует карканьем.

15/VI

Я решила обучить Фейку. Поставила на землю деревянное кольцо, позади кольца держала рыбину. Фейка, заинтересовавшись, подошла поближе. Я стала щелкать пальцами. Так повторила несколько раз.

18/VI

Фейка уже прыгает сквозь кольцо, когда я щелкаю пальцами. Один раз я приподняла кольцо. Фейка прыгнула и в награду получила рыбу.

20/VI

Фейка начинает немного летать. Взлетает уже на стол. Она очень веселая и всех задирает. Часто Фейка катается верхом на Шарики. Вскокит на спину, вцепится в шерсть и начинает клевать в голову, словно погоняет.

28/VI

Фейка любит купаться. Она забирается в таз с водой, окунается, чистит крылья. После купанья забирается на крышу сушиться.

30/VI

Фейка очень ко мне привыкла. Откликается на мой зов. Сегодня я подозвала ее и дала ей красной смородины. Она набрала полный клюв ягод, подскакала к спящему Шарику и высыпала ему в ухо.

13/VII

Хозяева дачи сказали, что больше не могут терпеть ворону. Они хотели ее поймать и унести. Но она всех переклевала и в руки не далась.

17/VII

Подхожу к дому и вижу: на одном столбике калитки сидит Фейка, на другом — котенок. Тянутся друг к другу, а дотянуться не могут.

21/VII

Весь день шел дождь. Вечером какие-то девочки принесли Фейку. Она была вся мокрая и тряслась.

22/VII

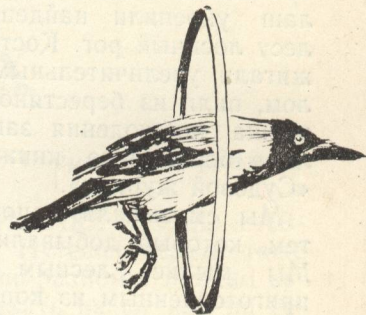
Сегодня дедушка разбудил меня и говорит: «Во дворе две Фейки. Выхожу — и верно. Оказывается, я вчера взяла у девочек не Фейку. У настоящей Фейки на лбу метина».

25/VII

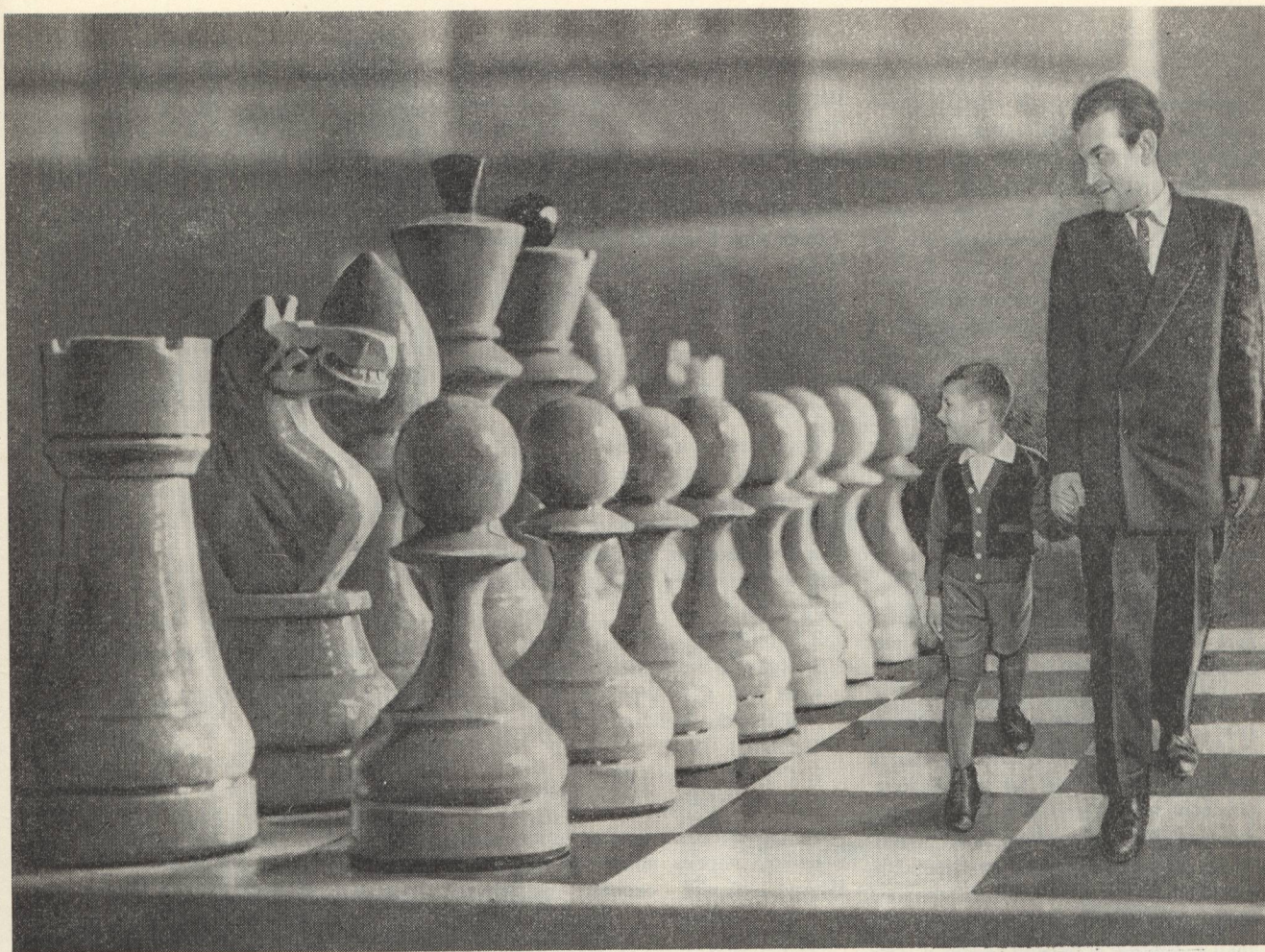
Иногда Барсик подходит к Фейке сзади и ударяет ее лапой по хвосту. Фейка гонится за ним и клюет в спину. Потом садится на березу и оттуда начинает новую атаку.

5/VIII

У меня теперь семь ворон, правда, пока еще не ручных. Их приводит Фейка.



Юннатка
Ленинградского
зоопарка
Валя Эстрина
с львенком Цезарем



Гроссмейстер Корчной и шестилетний шахматист Ленинградского Дворца пионеров Саша Левин

НА ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЯХ

Виктор Корчной

Чемпион СССР по шахматам, международный гроссмейстер

Двадцать ребят в красных галстуках быстро шли по Невскому проспекту. Переговаривались.

— Вот бы меня выбрал Смыслов! — говорил один. — Бывший чемпион мира!

— А меня бы Тайманов. Или Петросян.

— А меня Спасский!

Это был совершенно непонятный разговор.

Через полчаса ребята выстроились на сцене шахматного клуба. К ним по очереди подходили гроссмейстеры

и мастера, участники двадцать седьмого первенства страны. Я тоже остановился перед небольшим мальчиком в пионерской форме. Он сейчас же протянул мне альбом с видами Ленинграда. Я вынул из альбома конверт, раскрыл его и увидел свой порядковый номер в турнире. Пятнадцатый.

Итак, жеребьевка состоялась. Завтра я играю с мастером Лутиковым.

Хочешь занять высокое место — докажи за шахматной доской, что ты его достоин. Девятнадцать противни-

ков постараются доказать обратное. Они призовут на помощь огромный опыт, знания, волю, талант. С ними очень трудно справиться. И еще труднее справиться с самим собой.

Я знаю свой главный недостаток. Я слишком верю в защиту и контратаку. Больше, чем в атаку. А разве можно рассчитывать на успех в турнире, если не атакуешь сам?

Атакующему всегда кажется, что у него мало фигур. А у противника слишком много. Атака ослабевает, выдыхается. Нужно освежить ее,

отдать противнику одну, две фигуры. Нужно жертвовать ради победы.

Мне это трудно. Я знаю, какой сильной может быть защита в шахматах, и начинаю колебаться. А время идет, часы беспощадны. И вот опять игра в защите, на краю пропасти, под угрозой нескольких матов. Полчаса под угрозой. Час...

Первую партию я проиграл.

Во второй сделал ничью — с Таймановым.

Половина очка из двух возможных. Плохо. Предстоят встречи со Смысловым, Петросяном, Геллером, Спасским, Бронштейном, Авербахом. Стальная шеренга!

Остается одно — взять себя в руки, готовиться, работать.

Несколько побед — и снова проигрыш. Только теперь уже в положении лидера. Потеря во много раз больше и действует сильнее.

Но меня ожидало худшее. В партии с Багировым, рассчитав варианты с участием обоих моих слонов, я случайно взялся не за того слона, которым надо было бить ладью противника. Турнирные правила неумолимы. Пришлось сдать партию. Это стряслось тогда, когда оставалось всего три тура, а основные соперники — гроссмейстеры Геллер и Петросян — шли рядом, шаг в шаг.

Похоже было, что все потеряно. А через день — встреча с Геллером. Нужно обязательно выиграть.

Все партии последних туров — решающие. Но эта была наполнена сложной борьбой и огромным риском. Опытнейшие шахматисты не могли сказать, на чьей стороне перевес. Позиция, как тропический лес, скрывала множество неожиданных угроз. И через этот лес мне с большим трудом удалось пробиться к выигрышу.

И вот доигрывается последняя партия. Мой противник мастер Суэтин поздравляет меня с победой. Одиннадцать часов утра. День только начинается...

В турнире родился новый гроссмейстер СССР — свердловчанин Лев Полугаевский. Было несколько отличных партий. Первый приз за красоту получила партия Спасский — Бронштейн.

Посмотрим ее.

1. e2—e4 e7—e5
2. f2—f4 ...

Королевский гамбит!

Сколько блестящих побед одержали, разыгрывая это начало, великие шахматисты прошлого — Андерсен, Морфи, Чигорин. А теперь применение королевского гамбита — событие в турнире.

2. ... e5 : f4
3. Kgl—f3 d7—d5
4. e4 : d5 Cf8—d6
5. Kbl—c3 Kg8—e7
6. d2—d4 0—0
7. Cf1—d3 Kb8—d7
8. 0—0 h7—h6?

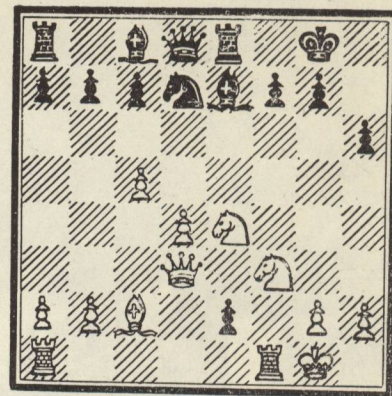
Подобные ходы крайними пешками в начале партии почти всегда плохи. Нужно было скорее развивать фигуры ферзевого фланга путем

8. ... Kf6.
9. Kc3—e4 Ke7 : d5
10. c2—c4 Kd5—e3
11. Ccl : e3 f4 : e3
12. c4—c5 Cd6—e7

Белые играют ясно и целеустремленно. Теперь у них большое преимущество в развитии, а лишняя пешка черных не имеет значения.

13. Cd3—c2 Lf8—e8
14. Fd1—d3 e3—e2

Жертвуя пешку, черные пытаются отвлечь белых от основного замысла — атаки пункта h7. Но черных ждет неприятность.



15. Ke4—d6! ...

Вместо того, чтобы увести ладью из-под удара, белые ставят под удар еще и коня.

15. ... Kd7—f8?
16. Kd6 : f7 e2 : f1 F +
17. La1 : f1 Cc8—f5

На 17. ... Kp : f7 у белых приятный выбор между двумя способами дать мат:

- I. 18. Cb3 + Ce6 (или 18. ... Kpf6
19. Ke5 + Kpg5 20. Fg3 + Kph5
21. Cdl + Cg4 22. F : g4 X) 19. Kg5 +
- + Kpg8 20. C : e6 + K : e6 21. Fh7 X
- II. 18. Ke5 + + Kpg8 19. Fh7 +
- K : h7 20. Cb3 + c последующим
- Kg6 X.

18. Fd3 : f5 Fd8—d7
19. Ff5—f4 Ce7—f6
20. Kf3—e5 Fd7—e7
21. Cc2—b3 Cf6 : e5
22. Kf7 : e5 + Kpg8—h7
23. Ff4—e4 + ..

Черные сдались: нет спасения от 24. Л : f8.

...Турнир окончен.

На моем столе лежит альбом с видами Ленинграда. Его вручил мне при жеребьевке мальчик в пионерской форме — один из двадцати.

Все эти ребята — разрядники, члены шахматного клуба Дворца пионеров. Того самого клуба, в котором я учился играть в шахматы.

Спасибо ему!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ («КОСТЕР» № 3)

1. Шутка боцмана Рынды: барк — краб.
2. Ребус — порт: Красноводск.
3. Морской чайновод: 1. Драга. 2. Або. 3. Остров.
4. Водопад. 5. Дно. 6. Осадка. 7. Акула. 8. Аклин.
9. Нок. 10. Кливер. 11. Рангоут. 12. Тара. 13. Азов.

14. Винт. 15. Тина. 16. Аврал. 17. Лыдина. 18. Анкер.
19. Раковина. 20. Атолл. 21. Лиман. 22. «Новик».
23. Конвой.

В вертикальных рядах: Головин, Спиридов.



Валя: — После завтра мой день рождения. Приходи, Юра.

КОГДА ВАЛИН ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ?

(Назови месяц, число и день недели)

*читай
19 май*

Двухкорпусные лодки (гидролыжи)

Е. Курденков

Гидролыжи — это маленькое прогулочное судно, корпус которого состоит из двух поплавков. Оно устойчиво, имеет малую осадку и легко на ходу. Вес гидролыж невелик — их могут свободно переносить по суше двое ребят. Звено юных морских умельцев построит такое судно за 7—10 дней.

Поплавки. Основной поплавок-лыжи является палубная доска толщиной 20 мм, шириной 220 мм, длиной 2000 мм и пять шпангоутов.

Обшивка — из фанеры толщиной 2—3 мм. Прежде чем кроить фанеру, вырежьте и подгоните по набору шаблоны обшивки из картона или плотной бумаги; особенно важно это сделать для концевых частей поплавков.

Набор и обшивку соедините водоупорным клеем (казеиновым, АК, ВИАМ, БЗ или другим) и шурупами. После сборки покройте поплавок снаружи и изнутри подогретой олифой и зашпательте водоупорной шпатлевкой.

Красьте не менее двух раз масляными и нитрокрасками. Каждому покрытию дайте хорошо просохнуть.

Как быть, если нет фанеры? Тогда сделайте обшивку из бумаги. Листы старых газет, склейте обойным, мучным или жидким казеиновым клеем в 10—12 слоев. Получится хороший обшивочный материал. Листы обогните по набору еще не окончательно просохшими. Обязательно покройте обшивку несколько раз снаружи и изнутри масляной краской — сначала жидкой, а потом — гуще.

Готовые поплавки соедините между собой тремя досками-поперечинами толщиной 20—25 мм. Концы поперечин прикрепите к палубной доске клеем и шурупами. Для большей жесткости приверните продольные планки, а в кормовой части, посередине — прочную доску с отверстием для баллера руля.

Рулевое устройство. Баллер (ось) руля сделайте из круглой, прочной, хорошо обработанной жерди диаметром 30—35 мм. Перо руля выпилите из толстой фанеры или дощечки, плотно посадите в пропил, сделанный на нижнем конце баллера, и закрепите заклепками или шурупами. Снизу в торец баллера загоните штырь из толстого гвоздя и обогните оковку из жести. Румпель — из дощечки или толстой фанеры. К раме корпуса прикрепите плавник-кронштейн из прочной

доски толщиной 20—25 мм, а к нему — подпятник, выпиленный из полоски стали или дюралюминия толщиной 2—3 мм.

Движущий механизм. Гребной коленчатый вал выгните из круглого прутка арматурного (строительного) железа диаметром 12—18 мм. Концы вала посадите в трубчатые или шариковые подшипники, надежно закрепленные в продольных рейках.

Гребные колеса состоят из ступицы и 6—8 лопастей. Деревянную ступицу колеса отрежьте от круглого поленца без трещин. Лопасти — из толстой фанеры или дюралюминия (5—7 мм) — плотно посадите в пропиленные ступицы и закрепите шурупами на металлических уголках. Для прочности приверните к ступице диски из жести или дюралюминия. На валу колесо крепится стальной шпилькой.

Сиденье сделайте по рисунку или придумайте сами. Можно обить его куском войлока, а поверх — клеенкой или кожей.

Расстояние от сидения до гребного вала должно быть таким, чтобы пятой вытянутой ноги можно было достать до педали в ее нижнем положении.

Все детали судна, кроме подшипников, окрасьте 2—3 раза водоупорными красками. Трущиеся части смажьте тавотом, солидолом или другой густой смазкой.

На чертежах даны только основные размеры частей и деталей. Юные кораблестроители должны сами определить другие размеры, исходя из конструкции и имеющихся материалов.

На рисунке слева внизу показана другая конструкция поплавков — сигарообразная. Каркас такого поплавка состоит из двух стрингеров — брусков сечением около 30 × 40 мм и пяти шпангоутов — дисков, выпиленных из дощечек толщиной 14—18 мм или фанеры 8—12 мм. Обшивка — из фанеры толщиной 1,5—3,5 мм. Обшивку цилиндрической части лучше заполнить из цельного листа. Поверх обшивки, над стрингером, прикрепите палубную планку.

Гидролыжи можно приспособить и для хождения под парусом. Укрепите на первой поперечной доске рамы степс для мачты, гребной вал с колесами сделайте съемным, а на продольных планках установите легкий решетчатый щит.

Рисунок Е. Войшевского

На обложке рисунок Ю. Мезерницкого

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Бонашевский, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Дворакoвская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Таврическая ул., 37, тел. А-457-76.

М-27063. Подписано к печати 21/IV 1960 г.
Тираж 220 000 экз.

Формат 84×108¹/₁₆
Заказ 1241

Печ. л. 8+2 вкл.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

